

Анна Берсенева

MAINSTREAM

COLLECTION

Женщины да Винчи

Анна Берсенева

Женщины да Винчи

«Анна Берсенева»

2014

Берсенева А.

Женщины да Винчи / А. Берсенева — «Анна Берсенева», 2014

ISBN 978-5-699-71289-2

Иногда так хочется полностью переменить свою жизнь! Ведь перемены обещают нам счастье. Но когда они случаются по стечению опасных обстоятельств... Именно это происходит в жизни Белки. В неполные тридцать лет Белла Немировская отлично разбирается в мужской природе благодаря своей интуиции и профессии психолога. Поэтому ее жизнь идет легко и приятно. Но вдруг – вместо родной Москвы чужой город в самой глубине России, чужие и непонятные ей люди... И семейное прошлое, о котором она, оказывается, ничего не знала.

ISBN 978-5-699-71289-2

© Берсенева А., 2014
© Анна Берсенева, 2014

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна Берсенева

Женщины да Винчи

Часть I

Глава 1

До чего же Белка ее ненавидела!

Нет, ну вот как это: быть в двух шагах от Венеции, уже смотреть на воду Лагуны и вдруг ни с того ни с сего развернуться, взять чемодан и отправиться в аэропорт на вылет? А именно это ей и предстояло сейчас сделать, и как же не ненавидеть человека, из-за которого это предстоит? Белка и ненавидела.

Конечно, эта ее ненависть началась не сегодня, но венецианская вода всем своим бледно-зеленым манящим объемом сыграла роль последней капли.

Белка достала из кармана монетку в два евро и, как плоский камешек, пустила ее прыгать по поверхности этой недоступной воды. Ничего, кроме ярости, она при этом не испытывала. Может, не с таким чувством надо загадывать свое будущее возвращение в Венецию, но уж какое есть.

– Белиссимо! – услышала Белка. – Помочь чемодан до остановки дотащить?

Игорь стоял в покачивающейся на зеленых волнах лодке – в водном такси то есть – и окликал ее оттуда, балансируя со всей показной непринужденностью, на которую было способно его тренированное тело. С этим красавцем, журналистом «Коммерсанта», у Белки наметился роман, недолговечный в силу сроков пресс-тура, а потому наиболее приятный из всех возможных, и на фоне этого несостоявшегося романа его теперешнее джентльменское предложение выглядело просто издевательством. И обращение к ней на итальянский манер – тоже.

– Я такси вызвала, – сквозь зубы процедила Белка.

– Удачи!

Игорь приветливо помахал рукой. Лодка загудела и отошла от берега. Белка посмотрела, как она летит по Лагуне в венецианскую даль, и, дернув за ручку чемодана так, словно не выдвинуть ее намеревалась, а вырвать с мясом, пошла к автобусу, обычному, не водному, который как раз подъехал к пристани.

Глупо было расстраиваться из-за того, что не состоялась Венеция. При ее-то работе! Состоится в другой раз. И начальница наверняка рассуждала именно так, если, конечно, вообще рассуждала, прежде чем потребовать, чтобы Белка срочно вернулась в Москву.

Но Белка вот именно расстраивалась, и чуть не до слез. Венеция являлась для нее каким-то заколдованным местом, это она еще в прошлом году случайно заметила и вскоре поняла, что не ошибается.

Каждый раз, когда появлялась возможность поехать туда, оказывалось, что Белка именно в это время должна заниматься чем-то другим. Пусть даже чем-нибудь приятным, например, разработкой головокругительного путешествия на Маврикий для головокругительно же богатого клиента, но – для Венеции ей сейчас не время. А потом начальница отправляет ее в Гималаи с целью выяснить, имеются ли в тамошних ашрамах условия для цивилизованного проживания миллионеров, свихнувшихся на индийской философии, или же повсюду царит сплошная антисанитария. А потом придумывается еще что-нибудь, и Венеция, конечно, откладывается.

Да и вообще Венеция не входила в число городов, куда сотрудникам давно работающей турфирмы требовалось ездить. Она была уже изъезжена и описана до последнего камешка,

и при необходимости, не выходя из офиса, с легкостью можно было выяснить, какого цвета умывальник на любом этаже любого ее отеля и какие фрески в любом ее палаццо. И все их клиенты давно уже в Венеции побывали или прекрасно могли съездить туда самостоятельно, без помощи агентства.

Поэтому нынешняя рекламная поездка по виллам Палладио, во время которой предполагался день в Венеции, была событием таким же редкостным, как и то, что Белка не оказалась именно в это время занята чем-нибудь срочным, а потому добилась, чтобы – через кислую улыбку и недоуменное пожимание плечами – начальница ее в эту поездку отправила.

Добилась, называется!

Ярость вскоре прошла, Белка вообще не была склонна к чрезмерности в чувствах, но на смену ей пришла досада, и такая, что уже в самолете она подумала: «Я не я буду, если в ближайшее время сюда не приеду. Всем назло!»

Глупая, детская клятва. А если проанализировать, отчего такая странная тяга именно к Венеции, а не, например, к Барселоне или к Лондону, то выяснится, что и она имеет детское, точнее, подростковое происхождение: именно в подростковом детстве Белке попалась книжка про город, в котором все влюбляются, и только тогда у нее была еще склонность подобным книжкам доверять.

Она бросила последний сердитый взгляд в иллюминатор на ускользящую Венецию и сделала погромче музыку в наушниках.

Глава 2

Маму Белка увидела во дворе. Та была занята своим обычным делом: кормила собак. Вернее, на этот раз одну собаку, черно-сери-пегую с отвислым брюхом. У нее недавно родились щенята, и мама теперь покупала для нее не только колбасу, но и молоко и, размочив в нем батон, выносила его к мусорным контейнерам в большой латунной миске, в которой в годы Белкиного детства варила варенье.

Куда девать щенков, когда они, жалостливо выкормленные, подрастут, мама, понятное дело, не думала. Убеждать ее во вреде абстрактного гуманизма было бессмысленно. Тем более что Белка и сама не была в этом убеждена, и что делать со щенками, не знала тоже.

Собака уныло чавкала над миской. И это монотонное чавканье, и весь ее вид показывал только одно: что ей глубоко безразличны и народившиеся непонятно зачем щенки, и собственная бессмысленная жизнь. Вряд ли это было так – все же, наверное, имелся у нее инстинкт выживания, или что там помогает собакам жить, – но вид у нее был именно такой.

– Ты, Белочка? – удивилась мама, заметив дочь. – А говорила, только в воскресенье вернешься.

– Планы переменялись.

– У тебя? – сразу насторожилась она.

Дочь редко меняла свои планы; неудивительно, что мама встревожилась.

– У начальницы, – успокоила Белка. – У богатых свои причуды.

В том, что необходимость ее срочного возвращения – это именно причуда вздорной бабы, сама она ни минуты не сомневалась.

– А я сегодня ничего не приготовила, – расстроилась мама.

– Я в самолете поела.

Оказавшись в этом дворе, Белка и сама почувствовала себя как унылая бессмысленная собака.

Можно, конечно, куда-нибудь пойти – всего девять часов, вечер пятницы только начинается. Но досада не прошла, настроения развлекаться и с кем-либо общаться не появилось, поэтому Белка устроилась у себя в комнате на диване, рассеянно листая книжки, которые перед поездкой зачала в читалку, поглядывая на экран компьютера, где беззвучно шел неувлекательный французский фильм, и изредка перебрасываясь с кем попало в сетях ничего не значащими фразами.

Через два часа такого времяпрепровождения она уже думала, что напрасно никуда не пошла, поддавшись досаде и лени. Как странно! Когда путешествуешь и видишь широкий мир, то вроде бы и собственная жизнь должна представлять перед твоим мысленным взором широко раскинувшейся в пространстве и времени. Но нет – во время путешествий ты видишь в своей жизни только то, что относится непосредственно к сегодняшнему дню. Зато стоит тебе заваляться на диван в десятиметровой комнате в панельной девятиэтажке в микрорайоне Южное Тушино, как собственная жизнь, втиснутая в этот маленький объем, некстати предстает перед тобой во всей своей... Нет, не красе, а наоборот – во всей своей узкой обыкновенности.

И заполняет тебя до самого горла бездействие. Не безделье, а бездействие как физическая величина. Как газ гелий. Только от газа гелия тела становятся легкими и взлетают вверх, а от бездействия твое собственное тело вдавливается в землю, кажется, навеки.

Белка взглянула на часы. Бездействие сожрало сто восемьдесят минут ее жизни. Выбраться из дому уже не имело смысла, учитывая, что завтра к девяти на работу. Да хоть бы и имелся в этом смысл, запала-то все равно не было. Даже для того, чтобы просто поднять себя с дивана и направить в ванную, Белке потребовался мысленный рывок.

У мамы в комнате было тихо, но полоска света пробивалась из-под двери, значит, она не спала. Ну да, мама ведь никогда не ложилась, не заглянув к дочке с пожеланием спокойной ночи.

Когда Белка вошла в ее комнату, мама читала. Книжка была на английском, с прелестной пастельной картинкой на обложке – парк, девичьи фигурки, пароконные экипажи; Белка узнала свое недавнее лондонское приобретение. Она покупала маме книжки на английском, французском и немецком во всех своих поездках. С тех пор как появились электронные книги, расход на дорогие бумажные, тем более заграничные, стал маму смущать, но все-таки она не могла отказаться от того, что, вызывая у Белки улыбку, именovala запахом живых страниц и прелестью живых букв.

Здесь, в маминной комнате, тишина была просто осязаема. Ее можно было резать ножом, как смородиновое желе.

– Тебе не скучно? – спросила Белка.

– Почему вдруг?

Мама посмотрела удивленно.

– Ну, не знаю. Тихо у тебя, как... Хотя телевизор бы включила. Ночные новости.

– А какие у них могут быть новости? – пожала плечами мама. – Всё одно и то же, и ничего другого не будет. Этот «Титаник» сел на мель.

– «Титаник» налетел на айсберг, – напомнила Белка.

– Этот – сел на мель, – убежденно возразила мама. – Слишком мелкие цели у этого общества.

Постоянное чтение на иностранных языках приучило ее мыслить глобально по таким поводам, которые, по Белкиному убеждению, глобальных размышлений не требовали.

«Ну, я-то и сама новости не смотрю, – подумала Белка. – Нечего и другим навязывать».

Она вообще не смотрела телевизор – не то чтобы принципиально, просто все, что по нему показывали, вызывало у нее ощущение такого убожества, на которое жаль тратить свою единственную жизнь. Мама, правда, не считает вот эту свою жизнь единственной, но с ее верой в бессмертие души тем более не обязательно тратить часть жизни, отведенную для пребывания в здешнем несовершенном мире, на просмотр идиотских телепрограмм, в которых взрослые люди переодеваются и кривляются, изображая зачем-то других взрослых людей, таких же неинтересных, как они сами.

Вообще, круг маминых повседневных занятий являлся таким точным воплощением ее личности, что этому можно было только позавидовать.

Она верила в Бога с той же естественностью, с какой верила в детстве, а потому ходила в церковь как по праздникам вроде Пасхи и Крещения, так и, в Белкином представлении, без всякого повода.

Она была убеждена, что культура – это лучшее из созданного людьми, а потому могла ни с того ни с сего отправиться в Пушкинский музей просто для того, чтобы освежить в памяти впечатление от картин Сезанна.

Она была милосердна до наивности – и давала деньги бомжам, а также кормила всех окрестных собак и голубей, причем для голубей нарезала зачерствевший хлеб мелкими кубиками, чтобы им удобнее было клевать.

Она полагала, что человеческому разуму необходимо ежедневное усилие над собой – и ежедневно же читала на трех языках попеременно.

Белку ничуть не удивляло, что мама никогда не была замужем. Было бы удивительно, если бы она замуж вышла. Не потому, что мужчины не любят слишком умных женщин – Белка не была уверена, что главная черта, определяющая мамину жизнь, должна называться именно умом, – а просто потому, что в таком стройном, тонком, гармоничном мире, в каком жила

она, места для мужчин не могло быть по определению. Уж Белка-то знала, что такое мужчины, поэтому представить кого бы то ни было из них рядом с мамой не могла.

– Надо тебе в Венецию съездить, – сказала Белка.

Непонятно, какая связь между «Титаником» и Венецией, но мама не удивилась.

– Я откладываю деньги, – кивнула она. – И представь, именно на Венецию. Хотя и Париж, конечно, привлекает необыкновенно.

Белке стало стыдно за клятву, принесенную самой себе в самолете. Лучше бы маму поклялась в Венецию отправить, вот уж кому этот город необходим как воздух. Именно как воздух, правильная поговорка. Белка вообще не понимала, как мама прожила большую часть своей жизни в сознании, что ни Парижа, ни Венеции не увидит никогда. Хорошо, что теперь дело только в деньгах, и даже при том, что денег всегда не хватает, все равно хорошо.

– Только я не хочу ехать туда во время карнавала, – сказала мама. – Вряд ли он мне понравится.

Это-то понятно. Даже Белка при всей своей любви к гораздо более энергичному времяпрепровождению, чем мамино, терпеть не могла народных гуляний. Буйную толпу за плечами носить – сомнительное удовольствие.

– В октябре поедешь, – сказала она. – За лето как раз деньги соберем.

Хорошо, что мама не предложила поехать в Венецию вдвоем: такого глубокого погружения в высокую духовность Белка просто не выдержала бы. Ей было в мамином мире не по себе, и это еще очень мягко сказано. Стоило ей побыть рядом с мамой день-другой, как начинало казаться, что ее завернули в вату и положили в коробку до каких-то лучших времен, которые неизвестно когда наступят и наступят ли вообще. В такой коробке прошла и проходила вся мамина жизнь. При мысли о том, что подобное может произойти и с ее жизнью, Белку пробирала дрожь.

Словно догадавшись, о чем она думает, мама сказала:

– Ложись, Белочка. Тебе же завтра рано вставать.

Ни обид, ни упреков, ни сожалений хотя бы. И так всю жизнь. Все-таки Гоголь был не совсем прав – может, вообще-то на свете и не скучно жить, господа, но такую вот, как у мамы, жизнь проживать и скучно, и грустно, и очень печально.

Глава 3

На работу Белка явилась без опоздания.

Но Ленка все-таки ухитрилась ее опередить. Ее голос – с легкой хрипотцой, как колокольчик над дверью агентства, – Белка услышала сразу, как только вошла с улицы. Ей пришлось полминуты постоять перед тремя ведущими в комнату ступеньками, чтобы подавить в себе раздражение. Чем начальница вызывала у нее это неизменное чувство, Белка и сама не понимала. Обыкновенная бизнес-дама. Самоуверенная, самовлюбленная, ухоженная, категоричная – ну самая обыкновенная!

Когда Белка вошла в комнату, та разговаривала по телефону и не удостоила свою подчиненную взглядом. За три дня Белкиного отсутствия Ленка поменяла прическу, вместо непринужденно распушенных прямых волос появился сложный светлый каскад. Он переливался всеми оттенками стали и платины и всей своей виртуозной сложностью создавал ощущение еще большей непринужденности, чем прежняя стрижка.

Появились также новые очки в тоненькой, будто кисточкой прорисованной ярко-синей оправе. Если и были у мадам какие-то сложности со зрением – возрастная дальнозоркость, ехидно подумала Белка, – то явно не настолько серьезные, чтобы носить очки. И если она их время от времени все-таки носила, то только как дорогой и очень стильный аксессуар. Действительно стильный, тут возразить нечего.

Ее телефонный разговор состоял не столько из слов, сколько из командных интонаций и продлился еще полминуты, как раз пока Белка шла к своему столу.

– Наконец-то! – сказала Ленка, бросая трубку. – Я что, за всех работать должна?

– Нет, – пожалала плечами Белка. – Сегодня выходной. Работать вообще никто не должен.

– Если тебе не нравится твой начальник, ты ведь можешь найти себе другого начальника, правда?

В чем Ленке не откажешь, это в умении сразу задать правильный вопрос.

Когда два года назад разразился экономический кризис, Белку уволили с работы. Та работа была по специальности, в довольно приличной психологической консультации, но сказать, что Белка ее любила, было бы сильным преувеличением. Точнее, полным враньем это было бы.

Еще на четвертом курсе универа она поняла, что психологом быть может, но не хочет. И работать в психологическую консультацию она пошла только потому, что надо же было где-то зарабатывать на жизнь. Не исключено, что она стала бы подыскивать себе другую работу – потихоньку, потому что взяла кредит на поездку в Америку и он съедал немаленькую часть ее зарплаты, а значит, к любым переменам следовало подходить с осторожностью... Но тут в мире разразился кризис, и Белку уволили в одночасье, без всякой осторожности. Вообще всех уволили, один только начальник остался – юридический адрес сторожить, как выразилась сотрудница, фамилии которой Белка теперь уже и не помнила.

Зато она отлично помнила, что в день того свалившегося как снег на голову увольнения сразу испытала ослепительное, словно вспышка новой звезды, облегчение – какое счастье, больше не надо ходить в дурацкую контору и заниматься какой-то бредовой мутью! – а вечером пришла домой и поняла, что... Что через неделю она должна была бы получить зарплату, и деньги на жизнь тоже рассчитаны ровно на неделю, но теперь зарплаты не будет, и непонятно, на что жить по окончании этой недели, а мама наконец-то решилась сделать операцию на глазах, и они стали откладывать ее пенсию на эту операцию, но теперь, получается, и операции не будет тоже, а еще кредит этот, пропади он пропадом, но нет, он не пропадет... Размышляя таким образом, Белка медленно, как сомнамбула, вышла в кухню, достала из буфета банку

сладкого какао и столовой ложкой, как кашу, съела его все, до доньшка. Она никогда в жизни не ела растворимое какао ложкой, ей даже в голову не могло такое прийти.

Видимо, в тот вечер ее действия определялись не головой.

Белка запомнила это на всю жизнь. Весь этот убийственный алгоритм: ослепительное облегчение, скрип какао на зубах, пронзительный ужас.

И вот теперь она вдруг представила, как в ответ на Ленкин вопрос сообщает все, что о ней думает, а потом разворачивается на сто восемьдесят градусов, громко хлопает дверью, сбегает по трем ступенькам на залитую ярким апрельским солнцем улицу... Стоило ей это представить, как слюна ее стала сладкой и предвестье ужаса свело губы.

Начальница смотрела из своей синей оправы так, словно все это было написано у Белки на лбу. Белка даже головой тряхнула, чтобы прогнать наваждение.

– Я не собираюсь искать себе другого начальника, – сказала она. И, расслышав что-то жалкое в своем голосе, поспешно спросила: – Что надо делать, Лена?

В смысле, какого черта ты меня из Венеции сорвала?

– Уже ничего, – пожала плечами та.

– Как ничего? – не поняла Белка.

– Ничего особенного. Займись мистическими Пиренеями для Муравейского.

Муравейский являлся владельцем сети мелких продуктовых магазинов в райцентрах не то Нижегородской, не то Тамбовской области; Белка в такие подробности не вникала, потому что это не входило в ее обязанности. Видимо, дела в его магазинах шли хорошо, но не настолько, чтобы двигаться к новым свершениям, в связи с чем он не знал, куда себя девать. Только этим Белка могла объяснить то, что он увлекся мистикой катаров и прикипел душой к Пиренеям, по которым эти катары бродили в Средние века в поисках смысла жизни. Желая повторить путь средневековых мистиков, Муравейский и обратился в Ленкино агентство.

– Как Пиренеями?! – Белка все-таки не сумела сдержать возмущения. – Муравейский же только в конце июня туда собирается! А сейчас апрель, – неизвестно зачем напредила она.

– И прекрасно, – усмехнулась мадам. – Успеешь гостиницы для него заказать и визу оформить.

Это было чистым, неприкрытым издевательством. Особенно учитывая, что все гостиницы на пути катаров Белка для Муравейского давно уже забронировала.

– Вы думаете, у него нет шенгена? – еле сдерживая ярость, процедила она.

– Вот и выяснишь, – отрезала Ленка.

«И для того я в шаге от Венеции развернулась?! – подумала Белка. – Для того билет меняла, свои деньги на это тратила?! Для того в выходные на работу притащилась?!»

Можно было сказать начальнице про давно заказанные гостиницы. Можно было напомнить, что шенгенская виза, даже если допустить, что у Муравейского ее почему-то нет, оформляется гораздо быстрее, чем за два месяца. Но зачем все это говорить? Ленкиными действиями руководит не логика, а одно только самодурство, которое она даже не считает нужным скрывать.

– Что еще? – изо всех сил стараясь не выплеснуть свою ярость прямо начальнице в лицо, спросила Белка.

– У тебя нет дел? – пожала плечами та. – Тогда новым клиентом займись. Он мне позавчера позвонил, хочет в Мексику на какие-то раскопки. Я такими вещами, между прочим, вообще не должна заниматься, но пришлось, ты же на отдыхе изволишь находиться. Его телефон у тебя на столе, я на календаре записала.

Кто этот новый клиент, чего именно он хочет, Белка спрашивать не стала. Все она выяснит сама, а эта стерва пусть поскорее исчезнет с глаз долой, больше ничего от нее не надо.

Судя по тому, что сумка уже висела у нее на плече, мадам действительно собралась на выход с вещами. Белка смотрела на нее исподлобья и ожидала, когда это наконец произойдет. Секунды такого ожидания превращались для нее в минуты.

– Все, – бросив в сумку телефон, наконец проговорила Ленка, – я...

Но тут раздался звон колокольчика, послышались шаги по трем ступенькам, дверь в комнату открылась, и вошел посетитель. То есть это Белка сочла его посетителем, однако тут же выяснилось, что ничего подобного.

– Что ты, Кирилл? – недовольным тоном, не здороваясь, спросила мадам. – Я к тебе уже выхожу.

– Пить захотелось, – тоже не здороваясь, ответил он. – Заодно взгляну, что за игрушку я тебе приобрел.

«Это я, что ли, игрушка?» – удивленно подумала Белка.

Кроме нее и Ленки, в комнате никого не было, так что мысль была в общем-то здравая.

Но тут же ей пришла в голову еще более здравая мысль: что посетитель – это Ленкин муж, а игрушка – это ее туристическое агентство вместе с вот этим стильным помещением, которое он для нее приобрел и теперь решил обозреть.

– Ну, смотри, если хочешь, – недовольным тоном произнесла Ленка.

При самом беглом взгляде на ее супруга становилось понятно, что с такими мужчинами таким тоном вообще-то не разговаривают. На таких мужчин смотрят восхищенным взглядом, даже если никакого восхищения не испытывают. Хотя обычно испытывают, по меньшей мере из уважения к природе, создающей такие образцы.

На вид этому Кириллу было лет сорок пять. То есть не на вид, выглядел-то он гораздо моложавее, но его голос, тон, манера держаться – все свидетельствовало о той внутренней зрелости, которая, по Белкиным наблюдениям, раньше сорока пяти у мужчин не наступает.

К этому его важному внутреннему качеству прилагалась еще и выдающаяся внешность: высокий рост, не широкие, как у примитивного качка, а вполне гармоничные плечи, слегка серебриющиеся виски и, главное, то выражение глаз, без которого мужчина не может быть привлекательным для женщин, даже если обладает самой незаурядной внешностью. Глаза Ленкиного мужа были подсвечены самоиронией.

– А водички? – напомнил он супруге.

– В холодильнике.

Сотрудников в фирме было всего трое, поэтому кулера Ленка не завела – считала, что для чая гигиеничнее покупать воду в пластиковых канистрах, а для питья в стеклянных бутылках. Мадам была рациональна. Впрочем, за год работы под ее началом Белка стала подозревать, что рациональность эта не простирается дальше бытовых мелочей.

Например, не очень понятно было, за счет чего получается прибыль у Ленкиной конторы. Белка не разбиралась в экономических тонкостях, но даже для нее было очевидно, что изысканные путешествия в поисках пиренейской мистики и мексиканских сокровищ не могут делать существование туристического агентства хотя бы неубыточным, особенно если располагается оно в таком центровом и дорогостоящем месте, как территория бывшей кондитерской фабрики «Красный Октябрь».

А вот оно, значит, в чем дело! Это, значит, нам игрушку такую супруг приобрел, и ни о какой прибыли речь не идет.

Пока Белка делала наблюдения и строила догадки, Ленкин Кирилл пил воду и разглядывал помещение. Ну и Белку заодно, вероятно, как деталь интерьера.

– А почему у тебя народ в субботу работает? – неожиданно спросил он.

Белка даже плечом передернула. Народ!.. Тоже мне, вождь какой выискался.

– А я правоверных иудеев на работу не нанимаю, – усмехнулась Ленка. – Шаббат у меня никто не справляет. Надо, значит, в субботу поработают.

– А надо? – поинтересовался ее супруг.

Смотрел он при этом не на жену, а на Белку. Но ответила, разумеется, жена.

– Они здесь не перегружены, – сказала она. – После работы прекрасно везде успевают. Вот я, например, не знаю, что сегодня в кино идет, а они – только спроси, без размышлений ответят. Как таблицу умножения.

– И что же сегодня идет в кино? – немедленно спросил он. – Я слышал, новый фильм братьев Коэн. Говорят, интересно.

Белка не выдержала и фыркнула.

– Что, не интересно? – тут же спросил он.

При этом он смотрел на Белку уже с таким очевидным вопросом во взгляде, что не ответить было бы просто неприлично.

– Скука смертная, – отрезала она. – На их фильм даже мухи не прилетят.

Он засмеялся и спросил:

– Как вас зовут?

– Белла.

Она ответила нехотя. Ей не нравилось знакомиться снизу вверх по вертикали.

Возможно, он хотел спросить что-то еще, но жена напомнила недовольным тоном:

– У меня ровно час. Мы не успеем.

И он ничего больше не спросил, а только посмотрел на Белку с живым интересом.

И с этим замечательным, да, просто замечательным интересом в глазах Ленкин муж вышел из комнаты.

Глава 4

Белка осталась одна. Делать было совершенно нечего. По-хорошему, надо было немедленно покинуть помещение и отправиться отдыхать, как и положено в законный выходной. Но за год работы она успела изучить свою прелестную начальницу, а потому была уверена: через час-другой дверь откроется и та явится в офис по какому-нибудь срочному делу, которое, разумеется, никак нельзя было отложить до понедельника.

Стервозность являлась главным качеством бизнес-леди Елены Мазурицкой, это Белка поняла уже давно. А теперь, когда увидела ее мужа, ей стало понятно, из чего эта стервозность проистекает. Наверняка Ленка именно с помощью этого своего качества заполучила такого привлекательного Кирилла в мужья, и не было у нее никаких причин для того, чтобы это свое качество менять. И вообще, когда ты как сыр в масле катаешься, то почему бы не позволить себе быть стервозной, или глупой, или пошлой, или какой угодно еще? Почему не позволить себе любые черты характера, которые считаются отрицательными среди людей, не добившихся в жизни такого выдающегося положения, как у тебя? Ты заработала себе право быть такой, какой тебе нравится, и за это свое право ты глотку кому угодно перегрызешь.

«Я ей завидую? – удивленно подумала Белка. И себе же ответила: – Ни капельки! Но с удовольствием мазнула бы ее по носу, это точно».

Она уселась к компьютеру и быстро изучила, что интересного будет происходить сегодня на «Красном Октябре». Концерт терменвокса на крыше. Фотовыставка «Париж. 50-е». Уроки сальсы. Интересно, что такое терменвокс? Поиск показал, что это такой странный музыкальный инструмент, представляющий собой электронную струну и гудящий на разные лады, когда музыкант, как фокусник, водит над ним руками.

Белка решила, что на концерт терменвокса стоит сходить – может, хоть это скрасит впечатление от бездарно проведенного выходного.

Прекрасное место, в котором располагалась Ленкина контора, было едва ли не главным, из-за чего Белка в ней работала. Она забыть не могла то ежедневное унылое чувство, которым сопровождалась ее студенческая жизнь.

Факультет психологии Высшей школы экономики располагался почему-то в здании бывшей средней школы в Выхине. От метро надо было ехать еще пару остановок автобусом или долго идти пешком через однообразные дворы спального района; в ноябре или в марте это было особенно приятно. Добираясь туда, Белка каждый день спрашивала себя, так ли уж ей необходимо высшее образование. Да, кстати, и высшее ли оно?..

А здесь, в сюрреалистичном заводском антураже, превращенном в антураж художественный – все, что отмечено подлинностью, легко преобразуется одно в другое, – она чувствовала себя как рыба в Москве-реке, на которой стоял «Красный Октябрь». И найти себе здесь вечернее развлечение было ей поэтому несложно.

Выбрав на сегодня из всего предлагаемого терменвокс, Белка включила кофемашину. Выпила чашку кофе с золотой пеночкой. Побродила по сетям, интересуясь у друзей, кто из них сегодня готов идти вместе с ней на концерт. Откликнулись человека три, все остальные, наоборот, позвали ее на голографическую выставку в ЦДХ.

«Жизнь удалась, чё», – подумала Белка.

И в ту же минуту, как она это подумала, колокольчик над входной дверью угрожающе звякнул. Явилась платиновая красавица, не запылилась! Что ж, стоит порадоваться своей предусмотрительности. Но радоваться Белка не стала, а поспешно вывела на экран заблаговременно открытый сайт отеля в Пиренеях.

Она сидела спиной к двери, вглядываясь в экран и ожидая очередного начальственного распоряжения, которое, разумеется, будет отдано прямо с порога.

– А вы все-таки не ушли? – услышала она. – Непохвальное усердие.

Белка обернулась. Великолепный Ленкин супруг смотрел на нее, стоя в дверях.

– Почему же непохвальное? – поинтересовалась она.

– Потому что работы у вас никакой нет.

– А вы откуда знаете?

– Нетрудно догадаться. Елена способна организовать только имитацию бурной деятельности. Для этого достаточно будних дней, нет никакой необходимости работать в выходные.

– И что? – усмехнулась Белка.

– И вы можете идти домой.

– Зачем?

– Что – зачем?

Ага, наконец он удивился.

– Зачем мне идти домой в Южное Тушино, если лучше посидеть на работе еще часок-другой, а потом провести вечер на «Красном Октябре»? В хорошей компании за веселыми занятиями.

Если не знаешь, что сказать, говори прямо. Белке было интересно, как он к этому отнесется.

Он расхохотался. Отлично! Этот Кирилл нравился ей все больше.

– Так вы из городских пижонов? – спросил он, отсмеявшись.

– Ну, вроде, – согласилась Белка.

– Странно, что я сразу не догадался.

– А каким образом вы могли догадаться?

– Да хоть по прическе.

Прическа у Белки была в самом деле пижонская: стрижка под ежик. Для лета, она считала, самое оно: и не жарко, и с простенькими платяницами смотрится отлично.

– Почему вы улыбаетесь? – спросил Кирилл.

– Один мой приятель, когда я так подстриглась, спросил: «Ты прическу, что ли, поменяла?» Мы с ним двадцать лет знакомы, я за это время прическу меняла раз сто, но он впервые заметил.

– Я думал, это из анекдота, – сказал Кирилл. – А прическа вам идет не очень. Чересчур стильная.

– Ничего, – усмехнулась Белка. – Мне нравится, а вы привыкнете.

Все-таки ее задело его замечание. Она не любила нарочитой стильности, и неприятно, если ее прическа производит такое впечатление. Ну да может, он просто хотел ее уесть. Тогда...

– Тогда, может, вместе куда-нибудь пойдём? – спросил Кирилл.

– Это, например, куда?

– Например, пообедать. Как раз время. И я проголодался.

Белка едва не спросила, не желает ли он пообедать с женой, но вовремя спохватилась, что задавать глупые вопросы не обязательно.

– Может, вам не понравятся места, где я привыкла обедать, – все-таки поддела она.

– А может, и понравятся.

Нет, он определенно был стоящим товарищем! Во всяком случае, для того, чтобы провести с ним час-другой за обедом. А дальше видно будет.

– Ладно! – весело сказала Белка; ей в самом деле стало весело. – Идем тогда к Боре.

Если он и насторожился, что еще за Боря такой, то не подал виду, а только сказал:

– Жду вас на улице.

Когда Белка, сообщив охраннику, что ее работа на сегодня завершена, вышла из здания, никакого Кирилла в обозримом пространстве не было.

«Это как же я так повелась?» – сердито подумала она.

Но оказалось, что подумала все-таки зря. Кирилл сидел в «Ауди» с распахнутой дверцей и пил воду из маленькой стеклянной бутылки. Он сам сидел на водительском месте, да и машина была приличная, не убогий буржуйский «Мерседес» с кучером в белой рубашке и не красный спорткар, свидетельствующий об истерически переживаемом кризисе среднего возраста.

– А мы никуда не едем, – сказала Белка. – Здесь все в двух шагах.

– Я почему-то так и подумал, – кивнул Кирилл.

Он бросил пустую бутылку на пассажирское сиденье, закрыл машину и полностью поступил в Белкино распоряжение – это было крупными буквами написано у него на лбу, щеках и губах.

Глава 5

За год работы на «Красном Октябре» Белка изучила его как двор родной. Они с Кириллом прошли под низкой кирпичной аркой и оказались на маленькой площади, на которой раскинут был полотняный шатер. Мама рассказывала, что когда-то у ее отца, то есть Белкиного деда, был летний чесучевый костюм, из которого бабушка сшила свое первое в жизни нарядное платье. При виде этого шатра Белка почему-то всегда про то платье вспоминала, хотя вряд ли владельцы замечательной летней кафешки «Фестиваль еды» слышали о таких старинных тканях, как чесуча или какой-нибудь бомбазин.

– О!.. – сказал Кирилл, когда Белка подвела его к шатру. – А при чем здесь Боря?

Он явно обрадовался, что ему не предстоит обедать на сомнительном флэте у сомнительного же Белкиного приятеля.

– А Боря здесь живет, – объяснила Белка. – У вас будет возможность пообщаться.

Как только этот шатер раскинулся на «Красном Октябре», она сразу повадилась здесь обедать. Ей нравилось, как он внутри устроен – наподобие ландшафтного парка. Журчит по синим и зеленым камешкам ручеек, склоняются над ним две плакучие ивы, под ними стоят деревянные лавочки...

Столик под ивами был, к счастью, свободен. Это был любимый Белкин столик, и она немедленно за него уселась.

– А Боря вон там, – сказала она Кириллу, который присел было тоже. – За вон той дверью.

Поколебавшись, он все же отправился в дальний угол шатра, к двери, на которую указала Белка. Вскоре оттуда донесся его смех.

«Мне определенно нравится, как он смеется, – подумала она. – Это хорошо».

Почему хорошо, понятно: как бы она стала обедать с человеком, если бы он ей не нравился?

– Его тут что, для шашлыка держат? – спросил Кирилл, вернувшись за столик.

– Еще чего! – фыркнула Белка. – Если баран, так только на шашлык, что ли? Он добрый и интеллигентный. С ним здесь все дружат и играют.

– Вы часом не вегетарианка? – поинтересовался Кирилл.

– Нет. И к тому же я не завтракала.

– Понял, – улыбнулся он. – Я хоть и завтракал, но тоже уже голодный. Наедемся до отвала.

Прелесть этого шатра заключалась в том, что здесь были представлены чуть ли не все кухни мира. Но только каждый день разные, и никогда нельзя было заранее угадать, какая будет сегодня. Белка была знакома с хозяевами и знала, что они нарочно делают из этого секрет, чтобы поддерживать среди посетителей интригу.

Сегодня предлагалось есть по-австралийски. С голоду переборщили – заказали по два горячих блюда. Съев страусинный стейк, Белка почувствовала, что насытилась как удав. Она откинулась на спинку лавочки, чтобы отдышаться.

Вероятно, вид у нее от обжорства сделался чрезмерно вдохновенный, потому что Кирилл спросил:

– О чем это вы таком элегическом задумались?

Что он знает слово «элегическое», было отрадно; среди Белкиных знакомых мало кто знал, что оно означает. Она и сама-то узнала это только от мамы, случайно.

– Да ни о чем существенном, – ответила она.

– А например?

– Например, что пыль из Сахары летит через Атлантику и удобряет джунгли Амазонки. Без Сахары они, получается, рано или поздно зачахли бы.

– Возможно. Все в мире связано.

Он не выказал ни малейшего удивления ее размышлениями, хотя связь между обедами на ее тарелке и Амазонкой или Сахарой была, мягко говоря, неочевидна. Белку даже азарт взял: надо же, какой крепкий орешек, ничем его не прошибешь.

– Странно, что вы это понимаете, – заявила она.

– Почему странно?

– Потому что вы очень буржуазны.

– С чего вы взяли? – поморщился он.

Ага! Тебе, значит, неприятно считаться буржуазным. Интересно, почему?

– У вас дорогие часы, обувь и машина, – с невинным видом объяснила Белка. – Все, чему в буржуазной среде полагается быть дорогим.

Все-таки его было не пронять – на ее слова он только улыбнулся и сказал:

– Часы в буржуазной среде теперь уже допускаются дешевые, на пластмассовом ремешке. Такие даже в Музее современного искусства есть, в МоМА. Вы не видели?

– Видела, – буркнула Белка. – Я была в Нью-Йорке.

Воспоминание о поездке в Америку, вообще-то одно из лучших воспоминаний ее жизни, сейчас не порадовало: сразу же некстати вспомнилось, что до сих пор приходится выплачивать кредит, который, кажется, не уменьшается вовсе, и потому работать у супруги вот этого приятного собеседника, с которым они, как ни крути, не равня.

«А вот и равня! – словно бы себе назло, подумала Белка. – Он мужчина, я женщина. Социальное неравенство снимается за счет полового притяжения».

Насчет полового притяжения ясности не было, но злиться она перестала. Однако желание подразнить этого безупречного мужчину все-таки не прошло.

– А чем вы занимаетесь? – светским тоном спросила она. – Какой у вас бизнес?

– Почему обязательно бизнес? – пожал плечами Кирилл. – Я картины пишу, может быть.

– Не может этого быть, – усмехнулась Белка.

– Почему? Бывают же успешные художники.

– Успешные – это какие? – поинтересовалась она.

– У которых картины хорошо продаются.

– Ван Гог к ним явно не относился.

– Если в этом смысле, то к ним и Рембрандт не относился, – улыбнулся Кирилл. – И Вермеер. Да и все кого ни возьми... Успешными они не были.

Улыбка у него все-таки неотразимая! И ничем его не проймешь.

– А какими же они тогда были? – спросила Белка. – Все кого ни возьми, вроде Рембрандта.

– Это мы с вами при случае еще обсудим.

– Когда посетим вместе музеи Парижа? Или Лондона?

Ну? Что он на это скажет?

– Можем на Волхонку сходить, – сказал он. – В Музей изобразительных искусств.

«На эпатаж не поддается, зря стараюсь», – поняла Белка.

Ей сразу стало легко. Собственно, ей с ним и с самого начала было легко, но теперь еще более.

– Сейчас модно заказывать картины бомзам, знаете? – сказал Кирилл.

– Не-а, – удивилась Белка. – Зачем?

– Можно получить пару-другую незаурядных работ. Больше вряд ли, но на два-три усилия хватает надорванного сознания. Оно может дать неожиданное художественное решение, – объяснил он.

С этим Белка была согласна. Но то, что кто-то додумался заказывать бомзам картины, почему-то показалось ей неприятным. Хотя что плохого? Те наверняка радовались легким деньгам.

– А вы такие картины видели? – спросила она.

– Видел, – кивнул Кирилл. – У моих друзей целая коллекция.

– И что на них?

– Например, морской пейзаж. Две линии – и полное ощущение моря. На берегу пальмы в виде листьев марихуаны. Броско и выразительно. А больше, собственно, от бомжей ничего и ожидать не приходится.

– Это почему же?

– Потому что без привычки к труду и внутреннего стержня художников не бывает.

– Ну, это как сказать... – протянула Белка.

– Да как ни говори, – отрезал Кирилл. – Только очень молодые люди полагают, что это неважно. А в более взрослом возрасте уже пора понимать, что без труда не выловишь и рыбку из пруда, и на психоделические грезы надеяться не стоит.

– Это почему же? – глупо повторила она.

– Потому что наркотические видения только кажутся разнообразными, а на самом деле они у всех одинаковые. Определяются не столько личностью грезящего, сколько химическим составом препарата.

– Из личного опыта? – поинтересовалась Белка. – Или вы врач?

– У меня околоручебный бизнес, скажем так.

– Тогда вы в психоделических грезах не разбираетесь! – запальчиво заявила она.

Нашелся, в самом деле, адепт мистического опыта!

– Да ведь и вы тоже, Белла, – улыбнулся он.

– Почему это я не разбираюсь? – фыркнула Белка.

– Потому что не балуетесь наркотой.

– Откуда вы знаете?

– У вас прекрасный цвет лица. Хоть в самом деле портрет ваш заказывай.

– Бомзам?

– Я бы Рокотову заказал. Да он умер.

– Неужели?

– К сожалению. Или Гейнсборо. Но он тоже умер.

Тут Белка засмеялась.

– Что вы? – спросил Кирилл.

– Так. Вспомнила, – ответила она. – Мне один писатель знакомый рассказывал. Он в детской библиотеке выступал, в Смоленске, что ли, не то в Твери. Идет по коридору, навстречу девочка, в руках его книжку держит. Видит его, рот у нее открывается, и она говорит: «Ой, Иван Иванов! Вы живой?...» Он ей: «Живой, конечно, а что это ты меня похоронила?» – «А я думала, писатели все умерли...»

– Не все, но многие, – улыбнулся Кирилл. – Я бы даже сказал, большинство.

Когда он улыбался, на щеке у него появлялась ямочка. Только на одной, на правой. Это добавляло ему шарма. Плюс серебриющиеся виски, плюс самоирония во взгляде...

– У вас, я думаю, много денег, – сказала Белка. – И вы наверняка тратите их на женщин. А вот, например, вы могли бы купить женщине, которая вам понравилась, машину? Или лучше квартиру. Только не в Замкадье, а где-нибудь в старом Центре.

– Над этим надо подумать, – холодно ответил он.

Вот и отлично. Пусть думает. Если бы она мечтала стать цыпочкой для женатого папика, то давно бы ею была.

– Вы заплатите за мой обед? – спросила Белка, вставая.

– Да, – кивнул он.

– Спасибо за приятную компанию.

Она выбралась из-под ивы – склоненные ветки провели по ее ежику, будто погладили большой ладонью, – и пошла к выходу из шатра.

Глава 6

Апрель выдался – что твой июнь. И погодой, и, соответственно, настроением. На радостях от того, что дни стоят такие яркие, Белка проводила целые дни на воздухе. Ну, не целые, конечно, работать все-таки приходилось, но если брать то время, которое отводилось не работе, а жизни, то можно было считать, что она просто-таки переселилась на улицу.

Вернее, не на улицу, а в парк Горького. Ах, какое это стало замечательное место! Белка и вообразить не могла, что в Москве может появиться нечто, похожее на нью-йоркский Центральный парк, который произвел на нее неизгладимое, но все же какое-то потустороннее впечатление.

И вот пожалуйста, теперь в этом нет ничего потустороннего: из парка Горького исчезли шашлычники и убогие карусели, запестрели кресла для сидения на газонах и лежаки у воды, открылись во множестве симпатичные кафешки, в каждом своя забава, появились роликовые коньки... В общем, появилось все, что надо человеку для замечательного самоощущения – Белкиного любимого ощущения легкости, и беззаботности, и молодой своей беспечности. Потому что двадцать шесть лет – это, безусловно, молодость, самая прекрасная ее часть, когда юношеская нервность уже позади, а позорное благоразумие, которого так боялся любимый Белкин поэт Маяковский, еще не наступило.

Впрочем, она была уверена, что у нее оно никогда и не наступит: все в ее характере давало основание для такой уверенности.

А вообще-то ни о чем отвлеченном она в эти прекрасные апрельские дни не думала. В частности, в этот вот сегодняшний ясный день, в воскресенье.

Утром Белка посетила арт-рынок на Стрелке и купила себе там прехорошенькое летнее платье, которое притом было не просто прехорошенькое, а замечательно подходило именно ей – к ее высоким скулам, и к длинным глазам, в точности повторяющим рисунок скул, и к короткому ежику. Да, к ежику особенно подходило это платье, потому что оно было все такое романтическое, а ежик очень удачно вступал с романтикой в контраст, и если бы не ежик, то Белка такие кружевца, как на этом платье, пожалуй, и не выбрала бы. А к ежику – выбрала, и даже надела платье сразу же, благо было не просто тепло, а жарко, и очень удобно было катить в голубом кружевном платье на велосипеде по парку и чувствовать свою молодость не просто так, не абстрактно, а подошвами крутящих педали ног...

– Да, мама, – ответила Белка, когда в ее наушниках раздался телефонный звонок. – Ехали медведи на велосипеде!

Ей было невероятно весело, и она хотела, чтобы мама узнала об этом немедленно.

– Беласька... – Мамин голос звучал так виновато, что Белка сразу насторожилась. – Помоему, у меня опять случился приступ.

– Что значит «по-моему»?! – воскликнула она. – Случился или нет?

– Ну... да. Я даже упала...

– На улице?

– Нет, к счастью, дома. И упала почти на диван.

– Сильно ударилась?

– Рука побаливает.

Все понятно, рука, скорее всего, сломана. При возрастной маминой хрупкости и при том, что спазмы сосудов случаются у нее всегда неожиданно, нетрудно догадаться, что означает ее «побаливает».

– А голова? – спросила Белка.

– Головой я не ударилась.

– Я сейчас приеду, – сказала она. – Если можешь потерпеть, то «Скорую» без меня не вызывай.

Вызывать «Скорую» без Белки просто не имело смысла: врачи в два счета внушили бы маме, что она совершенно здорова, падение ей померещилось, рука не сломана и даже не болит, и вообще, пусть она завтра сходит в травмпункт, там ей все скажут. Это они уже проходили, и Белка давно уже дала себе слово, что в травмпункт она больше ни ногой.

Велосипед был прокатный, и его пришлось сдать. Хорошо, если бы вся Москва была одним сплошным парком Горького, но, к сожалению, это не так.

Белка вызвала к выходу из парка такси: в воскресенье, почти без пробок, добраться на нем с Крымской набережной до Тушина можно было быстрее, чем на метро.

Таксисту она велела подождать у подъезда, и правильно сделала: одного взгляда на мамину руку было достаточно, чтобы опознать перелом, да еще, может, со смещением. Рука опухла в запястье и выглядела какой-то перекрученной.

– Едем в Склиф, – сказала Белка. – Можешь не одеваться, на улице тепло.

Мама всегда считала, что домашняя одежда отличается от недомашней лишь несколько большим удобством, выглядеть же должна так, чтобы в ней не стыдно было показаться на людях. В соответствии с этим своим представлением она всегда и одевалась дома. Кажется, так приучил ее отец; этого Белка, правда, не могла утверждать с уверенностью, потому что дед умер до ее рождения и то, что мама о нем рассказывала, она слушала вполуха, как слушаешь все, что относится к незнакомым людям.

– Зачем же сразу в Склиф? – возразила было мама, впрочем, довольно робко. – В самом деле почти не больно, и потом, на «Скорой» опытные врачи...

Терять время на споры Белка не стала.

– Поехали, ма, такси ждет, – поторопила она. – Помнишь, что в приемном говорить? Что упала у них на ступеньках.

– Но почему бы я вдруг оказалась на ступеньках Склифа?..

Этого Белка уже не слушала – пересчитывала деньги в кошельке и прикидывала, у какого банкомата остановиться по дороге, чтобы снять еще.

Дальше все пошло именно так, как она и предполагала, и непонятно было, надо этому радоваться или на это досадовать.

Оказалось, что перелом все же без смещения – этому, конечно, следовало порадоваться. Но оказалось также, что хоть обезболивающее и нашлось, как только медсестре в травматологии была выдана порция денег, однако нормального гипса нет даже за деньги, поэтому придется накладывать точно такой, как при советской власти, а что он неподъемный и рука в нем немеет, так это, девушка, ничего страшного, в наше время другого и не было, и никто не требовал, а теперь все умные стали... И тут радоваться было, конечно, нечему. Оставалось только надеяться, этот дурацкий гипс хотя бы наложили так, что рука срастется правильно.

Надежда была не призрачной: Белка видела, что у врача, несмотря на его равнодушный взгляд, каждое движение отмечено доведенной до автоматизма точностью.

– Ничего особенного вообще-то, – заметил этот врач, когда мамина рука превратилась в большую белую колоду. – Могли бы и в обычный травмпункт сходить.

Мама покраснела от стыда за свой назойливый визит.

– В травмпункт мы однажды уже ходили, – сказала Белка. – Потом два раза пришлось руку ломать, чтобы правильно срослась. Второй раз у вас здесь, между прочим, ломали.

Она положила перед ним на стол купюру. Врач не торопясь спрятал деньги в карман, потом записал что-то на бумажке и протянул ее Белке.

– Через неделю позвоните по этому номеру, – сказал он. – Закажете немецкий гипс. Принесете сюда, я вам заменю.

Похоже, дело было даже не в купюре, а в том, что ему было просто неприятно, что пришлось сделать свою работу хуже, чем он мог бы. За это Белка и уважала Склиф. Жаль только, наведываться сюда приходилось чаще, чем хотелось бы.

Домой доехали быстро: из-за неожиданной апрельской жары город опустел.

– Как на улицах свободно, – сказала мама, входя в квартиру. – А говорят, будто везде сплошные пробки.

О пробках она знала только понаслышке, потому что в издательство, где брала книжки для перевода, или в театр, или в музей ездила на метро.

– Просто в воскресенье все по дачам разъехались, – объяснила Белка.

– Как все-таки жаль, что у нас дачи нет, – вздохнула мама. – Тебе хорошо было бы летом.

– Да ну! – фыркнула та. – Что бы я там стала делать? Грядки копать, огурцы сажать?

– Ну почему обязательно грядки? – возразила мама. – И огурцы сейчас, мне кажется, никто уже не сажает. Только цветы и газон.

– Газон косить надо, а цветы каждую весну заново высаживать, они за зиму дохнут. И вообще, я все эти дачи терпеть не могу. Что там делать? Скука смертная.

– Вот и папа мой то же говорил, – улыбнулась мама. – Сколько раз ему на работе предлагали дачный участок, даже в Малаховке, он всегда отказывался.

– А вот в Малаховке дачку иметь неплохо бы, – заметила Белка. – Мы б ее сейчас сдавали и жили бы как короли.

– Тогда об этом не думали, – вздохнула мама. – Люди были совсем другие.

– Знаю, – хмыкнула Белка. – В коммуналке все были добрые и душевные. Только гвозди друг другу в суп почему-то сыпали.

– У нас никто ничего друг другу в суп не сыпал. – Мама даже возмутилась – немножко, насколько могла она возмущаться. – Было, конечно, тесно, но все друг другу помогали. Можно было ребенка оставить, и за ним обязательно присмотрят. И за чужим супом, кстати, тоже.

– Сколько нас там человек в одной квартире жило? – спросила Белка.

– Двадцать.

– Ужас какой!

– Да, по утрам в уборную, конечно, была очередь. И в кухне по вечерам толкотня, когда все ужин после работы готовили. Но все-таки там было хорошо.

– Если что там и было хорошо, так только местоположение, – отрезала Белка. – Молчановка – это тебе не Тушино паршивое. И как вы только согласились переселяться!

– Нас никто не спрашивал, – пожала плечами мама. – Дом на выселение поставили, всем квартиры дали. Спасибо и на том.

– Да уж, большое им спасибо! За Тушино. А в доме вашем со львами, зуб даю, сейчас элитное жилье.

– Наверное.

Мама рассеянно улыбнулась. Несправедливость казалась ей неотъемлемой частью жизни. Белке так не казалось, но что-либо поделать с несправедливостью, совершившейся больше двадцати лет назад, она все равно уже не могла. Так что, может, мама и права, что не возмущается без толку.

– Папа мой тоже всегда возмущался, если что-то не так, – сказала та. – Если что-то несправедливо, неправильно устроено. Ты в этом смысле в него.

– Может быть, – пожала плечами Белка. – А какая разница? Я его даже не видела ни разу.

Она не понимала обожаемых разными бабушками разговоров про «ушки, как у дедушки, носик, как у троюродной тетушки», просто не видела в них смысла. Ну, любил, предположим, ее дедушка гречневую кашу, и она любит, и дальше что? Какую пользу приносит это сакральное знание?

– Счастье, что все так благополучно обошлось, – сказала мама.

– Что обошлось? – не поняла Белка. – Переселение в Тушино?

– Мой перелом. Печатать можно одной рукой, так что работе он не мешает. И готовить тоже одной рукой приспособлюсь. Да и сколько я готовлю, ты же ешь как птичка.

Что она ест не как птичка, а просто не дома, Белка объяснять не стала. Зачем? Она вообще старалась не перегружать маму излишними сведениями о себе. Не потому, что делала что-то непотребное, а потому, что все составлявшее образ ее жизни было маме чуждо и непонятно, а значит, Белка считала, и не нужно. Меньше знает, крепче спит.

Делать дома было больше нечего. Правда, и от выходного осталось уже всего ничего, и скоро стемнеет, на велосипеде особо не покатаешься, но это не повод провести весь вечер в квартире, слушая наводящие скуку разговоры про волшебную коммунальную жизнь. Белка от таких разговоров всегда бежала куда глаза глядят, и сегодняшний вечер не должен был стать исключением.

Глава 7

Она выскочила из дому, так и не придумав ничего интересного на остаток вечера. Даже когда ехала в метро, то еще не знала, на какой станции выйдет. И на Пушкинской поднялась вверх лишь по инерции, и по инерции же пошла по Тверскому бульвару к Никитским воротам.

Просто она любила Тверской бульвар. И Никитский тоже, и Гоголевский – все она любила бульвары. Особенно в такой вот прозрачной листовяной дымке, которая окутывала их сейчас. Можно было бы сказать, что ей хорошо думается, когда она бредет по бульварам без цели, но это было не совсем так.

Не размышлением называлось то состояние, в которое она сейчас погрузилась. Мелькали в голове воспоминания, и не о событиях, а так – об огнях Манхэттена, когда смотришь на него через залив, и о капустных огородах под крепостными стенами Люксембурга, и о крышах Иерусалима, по которым она гуляла на закате...

Белка тряхнула головой. Что-то чересчур она задумалась! Так и под машину недолго угодить.

Она подняла голову. Прямо перед ней, через неширокую улицу, высился тот самый дом, о котором они только что говорили с мамой, – Дом со львами.

Вот это да! Ей-богу, ноги сами привели ее на Малую Молчановку, у нее и в мыслях не было совершать элегическое путешествие в собственное прошлое. Во-первых, ее тошнило от всякой элегичности, а во-вторых, ее не могло сюда тянуть хотя бы потому, что она просто не многое помнила из тех времен, когда жила в этом доме. Ну, львов у подъезда помнила, конечно. Главным образом из-за того, что вредная соседка, жившая в комнате рядом с кухней, пугала ее, что будто бы эти львы по ночам оживают и запрыгивают в окна к детям, которые не пьют молоко с пенками. Жили они на шестом этаже, но Белке было тогда четыре года, поэтому во львов, запрыгивающих ночами в окна, она поверила безоговорочно. А когда ей исполнилось пять лет и бояться всяких глупостей она перестала, то из Дома со львами их с мамой переселили в Тушино.

И ровно с тех самых пор она этого дома не видела. Малая Молчановка не лежала на столбовых дорогах ее жизни. Хотя эта улица и находилась в самом центре, рядом с Новым и Старым Арбатом, но ничего оживленного на ней не располагалось, а значит, делать Белке здесь было нечего.

По этой простой причине она и увидела Дом со львами впервые за двадцать с лишним лет.

Новым оказалось то, что вместо прежнего низенького штакетника Дом был обнесен высокой кованой решеткой. Удивляться нечему: ясно же, что теперь это строение не предназначено для простых смертных, и без ограда, значит, никак.

Белка подошла к решетке поближе, почти что голову сквозь металлические прутья просунула. Когда еще она здесь окажется, интересно же.

Львы у входа были отреставрированы, и к тому же в лапах у них появились щиты с какими-то непонятными письменами. Но все-таки это были те самые львы; Белка убедилась, что отлично их помнит. И ступеньки, ведущие в подъезд, помнит, оказывается, и арочное окно на шестом этаже... Она удивилась, как странно отозвалось в ней все это – сердце вздрогнуло. В самом деле странно! За все последние двадцать лет, во всяком случае за сознательную их часть, Белка не вспомнила про Дом ни разу, за это она могла поручиться. А тут вдруг...

Она стояла у решетки, смотрела на львов и арочное окно, и что-то непонятное происходило в ее душе.

Дверь подъезда открылась, и из Дома вышел Кирилл Мазурицкий. Решетка стояла так близко к подъезду, что Белка, можно сказать, столкнулась с ним нос к носу. Она оторопела. А он, похоже, нисколько.

– Здравствуйте, – произнес Кирилл. – Остается только сказать банальность: мир тесен. Белка даже банальность сказать не могла – у нее просто рот открылся от изумления.

Впрочем, она была бы не она, если бы изумлялась слишком долго. И чему, собственно, изумляться? Любой состоятельный человек вполне может жить в Доме со львами. Вот он и живет.

– Здравствуйте, – произнесла она в ответ; невозмутимый тон все же дался ей не без усилия. – Вы живете в этом доме?

– Не совсем.

Интересно, что значит в данном случае «не совсем»? Живет в подъезде на коврике?

– У меня здесь квартира, – словно угадав ее вопрос, объяснил он. – Но я в ней еще не жил. Вот только что впервые вошел в нее как владелец.

Белке показалось, что при этих словах в его голосе прозвучало что-то вроде недоумения.

«Неужели это правда?» – словно бы спросил он сам себя с детской какой-то растерянностью.

Ей вдруг стало его жалко. Она и представить не могла, что этот уверенный, ироничный и самоироничный человек может испытывать растерянность.

Нет, все-таки это была не жалость, то, что она к нему сейчас почувствовала. Но приязнь точно.

– Так это же хорошо, – сказала Белка. – Квартиры здесь огромные! Двадцать человек можно в каждой разместить.

– А вы откуда знаете?

Растерянности в его голосе больше не слышалось. Взял себя в руки.

– Приходилось бывать.

Белка чуть не сообщила, что в этом доме прошло ее раннее детство, и именно в компании двадцати человек, но решила, что знать о ней какие бы то ни было подробности ему не обязательно.

– Давно? – спросил он.

– Давненько, да, – усмехнулась она.

– Собственно, это неважно, когда. В любом случае вы просто обязаны дать мне совет!

Можно было, конечно, сказать, что ничего она ему не обязана и что страна советов давно уже в бозе почил. Но разводить такие разговоры в ответ на самую обыкновенную фигуру речи было бы занудством, чтобы не выразиться покрепче.

– А какой совет вам от меня нужен? – спросила Белка.

– Может быть, мы поднимемся в квартиру? – предложил он. – И я вам на месте изложу свои сомнения.

– Ну давайте, – пожала плечами Белка. – Отчего не подняться?

– Спасибо!

Он открыл перед ней калитку, и она вошла в пределы Дома.

В подъезде все показалось ей знакомым тоже. Как львы у входа и арочное окно – все вычищено, вылизано, обновлено, но, по сути, как ни странно, не изменилось. Белка с трудом могла бы объяснить, что значит «по сути», но ощущение было именно такое, и даже сверхновый, как звезда, бесшумный лифт, вознесший их вверх, не изменил этого ощущения.

Она вышла из лифта и поняла, что стоит перед дверью своей квартиры. То есть с чего вдруг своей, она давно уже не считала ее своей, да она за двадцать лет ни разу о ней даже не вспомнила! Но сейчас, вот в эту минуту, испытала что-то такое ошеломляющее, такое небывалое, от чего у нее занялось дыхание.

– Понимаете, – сказал Кирилл, отпирая дверь, – квартира мне досталась уже с дизайнерской отделкой. Затевать ремонт – глупая расточительность. Но сказать, что мне все это нравится...

Они вошли в квартиру, и Белка сразу поняла, о чем он говорит.

– Да-а... – насмешливо протянула она. – С таким же успехом можно было зубо врачебный кабинет приобрести.

Для проживания, во всяком случае, зубо врачебный кабинет сгодился бы в той же мере, что и данное помещение.

Комната, в которую они вошли из коридора, белела всеми своими стенами, и нишами в стенах, и диванами, и шкафами – всей собою, если не как стоматология, то как чертог Снежной королевы.

– Не расстраивайтесь, – сказала Белка. – В этой комнате и раньше что-то такое было. Я сама не помню, но мама рассказывала. Здесь одна смешная тетка жила, у нее вся мебель была в белых чехлах. Всегда. Зачем, никто не понимал. Ну, хоть когда-нибудь чехлы же снимают, – объяснила она. – Хоть для гостей, что ли. А иначе зачем под ними мебель прятать, для чего ее сохранять-то?

– Вы жили именно в этой квартире? – спросил Кирилл.

– Ага. Только мы уже сто лет назад отсюда выехали.

– А до этого сколько жили?

– Понятия не имею, – пожала плечами Белка. – Тоже лет сто, может. Бабка моя в войну здесь жила точно.

– Как это странно... – задумчиво проговорил Кирилл.

Белке тоже все это казалось странным. Более чем! Но она не хотела с ним это обсуждать. Опасливое недоумение, которое она чувствовала, не подлежало обсуждению, тем более с посторонним человеком.

Он смотрел на нее внимательно и задумчиво. Как будто прикидывал что-то про себя. Ее смущал его взгляд, хотя она всегда была уверена, что смутить ее невозможно.

– Вам не нравится, что здесь все белое? – спросила она, чтобы как-то увернуться от этого взгляда и от этого направленного на нее внимания. – Ну, повесьте тогда картины. Или не знаю что... Ковры!

– А помните, вы ужасно старались смутить меня своим нахальством? – спросил он.

Конечно, она помнила.

– Нет, – сказала Белка. – Каким это нахальством?

– А давайте я отвечу вам тем же?

Что можно было на это сказать?

– Попробуйте, – усмехнулась она.

– Оставайтесь здесь. Все это на меня свалилось слишком неожиданно, и я никак не соображу, что с этим делать. А с вами мы это живо решим. Вы же сами спрашивали про квартиру для понравившейся мне девушки. Вот она, эта квартира. Оставайтесь здесь, Белла.

– Я вам, значит, понравилась?

Она не была бы собой, если бы не спросила!

– Да, – кивнул он.

Кивнул с таким выражением, как будто она поинтересовалась, пьет ли он кофе по утрам, или чем-нибудь еще в таком роде. Чем-нибудь само собой разумеющимся.

– А что значит «оставайтесь»? – не унималась Белка. – Вы меня здесь запрете, чтобы я размышляла над обустройством вашего быта?

– Я вас не запрю. – Кирилл улыбнулся. С ума сойдешь от такой ямочки на щеке! Впрочем, Белка с ума сходить не собиралась. – Вы просто поможете мне понять, можно ли сделать все это приемлемым для счастья.

Никогда в жизни Белка не оценивала что-либо в таких категориях, как приемлемость для счастья. Она была уверена, что счастье возникает у человека внутри и любые внешние обстоятельства мало чем могут помочь в его возникновении. Хотя помешать могут, конечно.

«А жену свою ты об этом не хочешь расспросить?» – вертелось у нее на языке.

Но задавать этот вопрос она все же не стала. Мысль о его жене была ей неприятна – вызвала невольное злорадство, и это оказалось не самое радостное чувство, как Белка неожиданно поняла.

Она не знала, что ему сказать. Она ощущала сильнейшее смятение. Может быть, эти стены пробудили в ней то, что духовозвышенные люди называют бурей чувств, и Кирилл просто попал в сердцевину этой бури?

Как бы там ни было, губы ее застыли, будто приморозились, и так же застыл взгляд, направленный на его лицо.

«Он обаятельный, – в этом своем смятении подумала Белка. – Ну и что?»

Ей не нравилось, категорически не нравилось, что какой-то совершенно посторонний, да что посторонний, просто чужой человек вызывает у нее такие странные чувства! Она не знала, что с ними делать.

Ей показалось, что и он тоже не знает – растерянность мелькнула в его глазах. Но не прошло и мгновения, как он сделал шаг, потом еще один – и Белка поняла, что его руки уже касаются ее плеч. И касаются, и обнимают, и притягивают к себе. И у нее голова от этого кружится, ей приятны прикосновения его рук, его щеки с ямочкой – к ее щеке, его губ – к ее губам...

Да, уже в следующую минуту они самозабвенно целовались, и понятно было, что это нравится обоим.

– Неожиданно все это, – сказал Кирилл, отрываясь от Белкиных губ.

– Точно, – согласилась она.

Как быстро, как непредсказуемо меняются чувства, когда ими руководит взаимное влечение! Смятение прошло, странность прошла, смущение прошло – Белка и Кирилл смотрели теперь друг на друга с одним лишь весельем. У него веселье прямо-таки выпрыгивало из глаз чертиками, которые проваливались потом в эту его замечательную ямочку на щеке. Как обстоит дело с ее собственными глазами, Белка, разумеется, не видела, но могла предположить, что в них веселые чертики пляшут тоже.

И это было достаточной причиной для того, чтобы они оказались рядом с белым диваном, стоящим в белом алькове, и принялись раздевать друг друга нетерпеливо и неторопливо. Да, неторопливость удивительным образом была частью их общего нетерпения.

Диван раздвигался каким-то хитрым способом. Белке пришлось подождать, пока Кирилл разберется, как это сделать. Ей даже холодно стало, потому что ее кружевное платье уже валялось на полу рядом с его брюками и рубашкой. Но вот он наконец разложил диван, и ей сразу же перестало быть холодно.

Он оказался очень приятным на ощупь – не диван, а Кирилл. Он будоражил, волновал, в нем было обещание: ничего не кончится, дальше будет только лучше!

Кирилл лег на спину и посадил Белку себе на живот. Это ей понравилось, а он как будто бы и знал, что ей это понравится.

Ему же самому это не просто нравилось, а доставляло, кажется, огромное удовольствие. Живот его вздрагивал между Белкиными коленями, под всем ее телом. Каждому ее движению Кирилл отвечал каким-нибудь своим движением.

Она много знала о мужчинах, об их тайных желаниях и явных стремлениях, и это знание давно уже преобразовалось в ней таким образом, что ей не приходилось задумываться, что им понравится или не понравится в любом ее поступке, движении, улыбке, поцелуе. Она понимала все это легко, без размышлений и сомневалась даже, должна ли такая ее догадливость называться интуицией. Интуиция казалась ей чем-то более тонким, сложным и трудноуловимым, чем то простое понимание мужской природы, которое она за собой знала.

Как ни называй, а сейчас это понимание ее не подводило. Еще при первом взгляде на Кирилла Белка поняла, что он представляет собой замечательный мужской образец – слово «особь» казалось ей в данном случае грубоватым, – и вот теперь, когда жизнь так неожиданно свела ее с ним поближе, она давала ему все, чего может желать такой мужчина, какого она сразу в нем угадала.

Она подчинялась всему, чего он хотел, – и сразу же требовала от него немножко больше, чем он мог, вернее, думал, что может.

Она изматывала его своей требовательностью – и вдруг отдавалась ему с ничего не требующей готовностью на все.

Она свивала в себе силу и слабость воедино – и дразнила его прихотливостью перемен, которые заключались в таком единстве противоположностей.

Она оказывалась то над ним, то под ним, и каждый раз ее положение менялось неожиданно, и каждый раз это доставляло ему видимое наслаждение, и не меньшим наслаждением это было для нее, а может, и большим даже.

Она обхватывала его шею то руками, то ногами и по страстному сверканию его глаз видела, как нравится ему эта чувственная акробатика, и слышала это в прерывистом его дыхании.

Она довела его до сильнейшего удовольствия так, что он не заметил, каким образом это произошло, а если и заметил, если замечал каждый новый ее шаг, то что ж, значит, его удовольствие было более длительным – растянулось в целую цепочку удовольствий.

И вот они впились наконец друг в друга разгорячившимися телами, и вместе вскинулись, и опали, как парашют, который медленно опускается с неба на землю, на сладкую зеленую траву, в густые цветочные сплетения...

– Это было очень хорошо, – сказал Кирилл. – Я такого не ожидал. Спасибо тебе.

– Это было взаимно хорошо, – уточнила Белка. – Так что и я тебе тоже весьма признательна.

Слишком выпячивать именно свою заслугу сейчас не стоило; так она понимала отношения с Кириллом.

«У нас уже есть отношения? – с медленным, ленивым удовольствием подумала она. – Да. И, похоже, очень приятные».

Ее голова лежала у Кирилла на руке, а в голове покруживалось, как будто Белка выпила бокал шампанского.

– Мне нравится, что это произошло именно здесь, – сказал он.

В голове у нее сразу же прояснело. Он не сказал ничего особенного – вся обстановка в самом деле располагала к тому, чтобы проводить здесь время самым замечательным образом, и Белка восторгалась не потому, что это вызывало у нее возражения. Но оттого, что он напомнил, где именно она сейчас находится, сознание ее снова вернулось к тому состоянию, в котором она какой-нибудь час назад увидела перед собою Дом со львами, и Кирилла на его пороге, и дверь квартиры, в которой прошли давно забытые детские годы...

Это состояние напоминало настороженность, почти опаску, и Белка даже понимала, отчего такая опаска возникла.

Она терпеть не могла рассуждений из той области, которую называла эзотерикой для бедных. При том образе жизни, который она вела, различных на всю голову бедных ей встречалось немало; Белка распознавала их за версту.

Один ее приятель, например, когда накрывал унитаз крышкой, то объяснял это не простой гигиенической привычкой, а тем, что в противном случае в унитазе не сохранится энергия ци. Ну и что это есть такое? Эзотерика для бедных – еще очень мягко сказано.

Белка всегда над подобным смеялась. Но вот теперь, лежа на Кирилловой руке, которая так неожиданно оказалась у нее под головой, она ясно чувствовала, что все произошедшее сегодня не могло быть пустой случайностью.

Не случайность привела ее к дому, которого она двадцать лет не видела и в голове даже не держала. Не случайность подняла на шестой этаж, к той самой двери, за которой осталось ее детство. Тогда, получается, не случайность в ее жизни и Кирилл?..

Эта мысль, которую Белка уловила в своей голове еще в ту минуту, когда увидела его выходящим из Дома со львами, и вызывала у нее теперь, самое малое, настороженность.

Она совсем не была уверена, что ей хочется с ним какой-то судьбы, а между тем судьба во всем происходящем прослеживалась определенно.

– Дом, конечно, замечательный, – сказал Кирилл. – Квартира тоже. Даже учитывая некоторую чрезмерность дизайна. И главное, это дареный конь, которому, как известно, в зубы не смотрят.

– А кто тебе эту квартиру подарил? – с интересом спросила Белка.

Вопрос был, конечно, бесцеремонный, но она обрадовалась, что простой житейский интерес выгнал из ее головы малопонятные размышления о судьбе.

– Отец, – ответил Кирилл. – Это запутанная и довольно глупая история. Они с мамой расстались, когда мне было три года. А мама у меня человек своеобразный. Упрямый, проще говоря. Ну и уверила себя, что отец ее оскорбил смертельно, бросил с ребенком...

– А это не так? Он ее не бросил с ребенком? – усмехнулась Белка.

– Это не совсем так, – объяснил Кирилл. – Ее он бросил, да, но ребенка бросать совершенно не собирался. Наоборот, мечтал быть заботливым отцом, делать сыну подарки, проводить вместе выходные и все такое прочее.

– А она разрешала ему общаться с тобой два часа в неделю в ее присутствии.

– Не совсем так, но почти.

– У тебя было нервное детство.

– Пожалуй. Причем по непонятной мне причине. Но как бы там ни было, это давно в прошлом. Отец живет в Канаде, у него процветающий бизнес, в свои семьдесят лет он бодр и свеж. И решил подарить мне квартиру, которую купил когда-то перед отъездом из Москвы. Тогда деньги здесь были шальные, вывезти их все в Канаду он не смог, ну и решил вложить в московскую недвижимость.

– Правильный у тебя отец, – одобрила Белка. – То есть подарок он тебе сделал правильный.

– Да вот не знаю! – засмеялся Кирилл.

– Что не знаешь? – не поняла она.

– Не знаю, как этим подарком распорядиться. Это мне напоминает одну историю, которую я тебе хотел бы рассказать. Просто чтобы ты понимала, что я имею в виду.

– Давай, – кивнула она. – Рассказывай. Я вся внимание.

Чтобы их общение было похоже на разговор, а не на томный отдых после секса, каковым оно до сих пор являлось, Белка оторвала голову от его плеча и уселась рядом, завернувшись в белую тканую накидку, которую стянула с кресла. По лицу Кирилла при этом промелькнуло что-то вроде разочарования. Надо полагать, ему она больше нравилась голой, но ничего, потерпит.

– История вообще-то смешная, – сказал он. – Произошла с одним моим приятелем, журналистом. Его Юмашев время от времени просил писать речи для Ельцина. Ну, не то чтобы речи, для этого посерьезнее люди были, но тексты для коротких выступлений.

– А кто такой Юмашев? – перебила Белка.

Кирилл посмотрел на нее с удивлением, потом улыбнулся.

– Я забыл про твой возраст, – сказал он. – Ты всего этого просто не помнишь. Юмашев сначала был журналистом, потом стал главой администрации Ельцина и любовником его дочери Тани. Потом – ее мужем.

Еще бы ей не хватало интересоваться, как звали любовников президентских дочек! Хорошо, что она хотя бы Ельцина по фамилии помнит. И возраст тут совершенно ни при чем, просто даже Марс находился ближе к Белкиной жизни, чем политика.

– И что с твоим приятелем случилось? – напомнила она.

Все-таки Кирилл умел интриговать. Ну какое ей, казалось бы, дело до его приятеля? А вот поди ж ты, интересно.

– Написал он однажды какую-то почеркушку для Ельцина, сказал ему за это Юмашев большое человеческое спасибо и подарил бутылку виски. Он страшно возмутился, всем потом рассказывал: надо же, бутылку сунули, как сантехнику какому-нибудь!

– Правильно возмутился, – согласилась Белка. – Гонорар надо платить, а не бутылки советские.

– Скорее, привычки советские, – возразил Кирилл. – Виски как раз было шотландское. Приятель в бар его поставил, хотел при случае с гостями употребить, но потом благополучно про него забыл. А через три года оказался случайно на какой-то очень пафосной банковской вечеринке. И гостей там развлекали презентацией коллекционного алкоголя. Наливали не из каждой бутылки, больно дорого, но каждую показывали: это, мол, вино такое-то, это коньяк такой-то – может, кто купит сдуру. И вдруг видит он среди прочих раритетов знакомую бутылку. Подошел, разглядел поближе – ну точно, его виски гонорарное! Он к специалисту, который презентацию проводил: а вот мне именно такую бутылочку друзья преподнесли, так не подскажите ли, сколько она может стоить? Тот смотрит на него как на умалишенного и осторожно так замечает: видимо, ваши друзья очень вас любят. Это почему вы так решили? – спрашивает мой приятель. А потому, – объясняет ему специалист, – что бутылочка такая стоит пятьдесят тысяч долларов. Приятель думал, разыгрывает. Какое! Каталог аукционный ему предъявили. Точно, пятьдесят тысяч долларов, все нули отчетливо прописаны. Так что у вас, – говорит специалист по алкоголю, – есть теперь замечательный выбор: или продать это виски на аукционе, что нетрудно сделать, поскольку количество таких бутылочек ограничено и они пользуются большим спросом, или выпить содержимое и потом всю жизнь гордиться, что вы пробовали виски за такую цену. В общем, сообразил мой приятель, что бутылочку эту, по всей видимости, преподнесли за что-нибудь в благодарность Таниному папе, а она, когда с журналистом надо было рассчитаться, просто взяла из бара что под руку попало и Юмашеву отдала.

– И что твой приятель с этой бутылкой сделал? – с живейшим интересом спросила Белка.

– А ты что бы сделала? – с не меньшим интересом переспросил Кирилл.

– Выпила бы точно!

– Счастливый ты человек, – усмехнулся он. – А вот мы с моим приятелем не родились такими счастливыми. Он насчет виски до сих пор сомнениями терзается, а я теперь насчет этой квартиры.

– А квартира при чем? – не поняла Белка.

– При том, что я вообще-то нашел бы гораздо лучшее применение пяти миллионам долларов, которые она теперь стоит, чем подложить их себе под спину в виде белого дивана. Во всяком случае, входя в эту квартирку без тебя, я именно так и думал.

– А теперь?

– А теперь, – сказал он, – мне здесь с тобой хорошо, и я хотел бы сохранить это сладкое статус-кво. Если, конечно, ты не против.

Можно было бы спросить, что он понимает под статус-кво. Что с этой самой минуты они начинают жить здесь дружной и счастливой парой? Но задавать такой глупый вопрос Белка не стала. Вряд ли его слова означают, что он решил развестись с женой. Да и ей самой – оно

ей надо, чтобы он разводился? Замуж она не собирается вообще, и за него не собирается в частности.

Кирилл удовлетворил Белкино любопытство без всяких с ее стороны вопросов.

– Вот ключи. – Он протянул ей замысловатой формы брелок. – Приходи сюда в любое время. И я буду к тебе приходить.

Глава 8

– Давайте все вместе попробуем разобраться, в чем причина нашей неэффективности, – завершила свою вечернюю проповедь Ленка.

Интересно, на каком бизнес-тренинге она всего этого набралась? Словечек этих – вместо «события» она говорила исключительно «ивенты», самые обыкновенные житейские случаи называла только «кейсами», – а главное, этого идиотского бодрого тона, который, по всей видимости, считает американским.

Прежде Белку страшно раздражали эти Ленкины повадки. Но теперь она стала относиться к ним снисходительно. Даже почти сочувствовала она теперь своей начальнице или по меньшей мере не обращала внимания на пошлости и глупости вроде этой, про совместный поиск причин неэффективности. Что тут искать, кстати? И так понятно, причина неэффективности Ленкиного бизнеса только одна: ее беспросветная сосредоточенность на себе самой и клиническая неспособность налаживать отношения с людьми.

Да что там о посторонних людях говорить, когда она даже с собственным мужем не способна наладить отношения!

За полгода романа с Кириллом Мазурицким у Белки была тысяча случаев убедиться, что он впитывает в себя женское внимание так, как, наверное, пустыня впитывает долгожданный ливень. Понятно, что она не на помойке найдена, обладает кое-какой женской неординарностью. Но понятно также, что дело не столько в ее личной выдающейся способности дать мужчине то, чего он хочет, сколько в Ленкиной к этому полной неспособности.

Ну стал бы он, например, самозабвенно болтать по вечерам с любовницей о всяческой ерунде, произошедшей за день, если бы мог это делать с женой? Ясно, не стал бы. А если Ленка вместо такой вот свободной болтовни ему разбор эффективности по вечерам устраивает, то и удивляться нечему.

В отношениях со своим замечательным любовником Белке даже не приходилось применять знаменитую формулу Лили Брик о том, что мужчине следует позволять все, чего ему не позволяют дома, – например, курить в постели, – а хорошее дезу, мол, довершит победу.

Кирилл отдался их роману без каких бы то ни было формул. Одной лишь интуиции Белке хватило, чтобы погрузить его в себя во всех смыслах слова. И, кстати, она не знала, можно ли называть дезу тоненькие, как паутинка, разноцветные лифчики, которые так нравились Кириллу; прежде чем ее раздеть, он всегда с удовольствием угадывал, в каком она сегодня будет цвете.

В общем, она сидела сейчас в рядочек со всеми остальными сотрудниками, пожирающими начальницу фальшиво-заинтересованными взглядами, вместе со всеми делала вид, будто внимательно слушает ее наставления, и думала при этом, что Мазурицкий сейчас, возможно, поднимается в лифте, или открывает квартиру, или уже принимает душ... И что он сегодня первый день находится якобы в командировке, а значит, нынешний вечер будет первым в череде их взаимоприятнейших совместных вечеров.

Погрузившись в эти вдохновляющие мысли, Белка даже не заметила, что, оказывается, анализ эффективности плавно перешел в разговор про реформатирование проектов. Господи, да когда же это кончится?!

Вероятно, эта мысль возникла в головах всех сотрудников одновременно, а потому вызвала такой сильный резонанс, что ворвалась и в Ленкин мозг.

– Итак, я жду ваших предложений. Присылайте их мне через корпоративную сеть, – сказала она.

«Елена, нас всего-то четыре человека, столы в метре друг от друга, вы можете обращаться по всем вопросам напрямую!» – чуть не заорала Белка.

Но тут же она представила ямочку на щеке Кирилла и сочла за благо промолчать. Не от угрызений совести, конечно, а лишь для того, чтобы эта бредовая тягомотина завершилась уже наконец.

Того же самого явно ожидали и остальные три сотрудника. То есть два сотрудника и одна сотрудница, таков, кроме Белки, был состав Ленкиной турфирмы.

Все они живенько вскочили и бросились к выходу, как только начальница сделала рукой некий прощально-разрешающий жест. Может, Ленка и возмутилась бы такой нескрываемой поспешностью, но ее отвлек телефон. Вероятно, супруг позвонил.

Белка вылетела на улицу, как пробка из бутылки шампанского. Ее снедало восхитительное нетерпение.

Во-первых, она хотела поскорее оказаться с Кириллом на диване и проделать все, что они вот уже полгода на этом белом диване проделывали.

Во-вторых, она хотела пойти с ним ужинать в замечательный маленький французский ресторан, который недавно открылся в Трубниковском переулке, неподалеку от Дома со львами.

В-третьих, она купила ему в Люксембурге новый роман Дэна Брауна, который когда еще переведут на русский, а почитать не терпится. Ну да, она только вчера вернулась из трехдневной поездки в Люксембург – сопровождала чокнутого любителя исторических реконструкций, которому при полном незнании английского понадобилось срочно изучить устройство тамошней городской крепости, – и да, такую приятную возможность предоставила ей, пусть и по рабочей необходимости, жена ее любовника. И что?

Белка не знала, прибавляет ли остроты ее отношениям с Кириллом то, что она ежедневно видит его супругу и играет с ней в игру «начальник – подчиненный». Она вообще не видела необходимости в том, чтобы анализировать свои с ним отношения.

Он был отличным любовником – сильным, неутомимым в собственных ласках и жадным до ее ласк. Он не был помешан на сексе, как многие мужчины его возраста, но при этом в нем не было даже тени равнодушия к сексуальной стороне жизни, равнодушия, присущего немалой части его ровесников, выжатых ритмами, стрессами и экологией мегаполиса.

С ним можно было замечательно проводить время. Ему нравилось в московской жизни все, что нравилось Белке, он охотно воспринимал любые ее предложения о том, куда пойти и чем заняться. Возможно, у него были какие-то свои предпочтения, и Белка готова была им следовать, но за полгода она ни разу не слышала, чтобы Кирилл их высказывал, поэтому стала подозревать, что их просто нет.

С одной стороны, этому можно было удивляться, но с другой – чему удивляться при такой жене, как Ленка? Разве только тому, что у него не имелось десятка любовниц одновременно, а их действительно не имелось, Белка бы заметила. Или просто они остались в прошлом? Да, в конце концов, зачем ей об этом задумываться? Она и не задумывалась.

Они провели лето так, что хоть сочинение пиши. Родной город, как на огромной ладони, протягивал им столько возможностей, одна другой приятнее, что просто глаза разбегались. И они пробовали все городские радости одну за другой, как маленькие дети одну за другой пробуют все разноцветные конфеты из большой коробки.

Сейчас, когда Белка бежала по Поварской к Малой Молчановке, центру ее теперешней жизни, летние картинки всплывали у нее в памяти попеременно, как слайд-шоу на экране.

И бег ее завершился на одной из самых приятных картинок: они с Кириллом сидят, а вернее, полулежат в шезлонгах, держась за руки и завернувшись в пледы, и смотрят новый фильм Вуди Аллена на большом экране летнего кинотеатра в парке «Музеон», а над ними, едва различимые в багровом городском небе, мерцают звезды.

С этим воспоминанием Белка и подошла к дому.

Но тут ей пришлось остановиться: перед калиткой стояла старушка и препиралась с охранником, точнее, с его голосом в переговорном устройстве.

– Да мне ведь только узнать! – услышала Белка.

Похоже, старушка без предупреждения явилась к кому-нибудь в гости, и охрана не хочет ее пускать. То, что Дом со львами в прямом смысле слова является теперь крепостью, Белка считала буржуйским свинством. Нашли тоже, от кого себя охранять, от божьего одуванчика какого-то!

– Вам открыть? – спросила Белка, доставая ключи.

– А я не знаю, – сказала старушка. – Может, и не надо мне туда. Я спросить хотела, да вот они не отвечают.

– О чем вы хотели спросить? – улыбнулась Белка.

Старушка была не московская – и поговору это было понятно, и по виду. Пожалуй, Белка ошиблась, назвав ее про себя божьим одуванчиком: в ней не было ничего трепетного, робкого, уязвимого, а было что-то, вступающее в контраст и с провинциальностью ее, и с преклонными годами.

В ней была не простота, но простонародная серьезность. Белка так удивилась, поняв это вдруг, что посмотрела на старушку с живейшим интересом.

Та между тем ответила на ее вопрос:

– Хотела спросить, кто в двадцать третьей квартире живет.

Голос у нее был низкий, красивый и совсем не старческий. Белка вздрогнула. Не от голоса, конечно, а от странного совпадения.

«Это к Кириллу, может, – тут же подумала она. – Родственница из провинции».

В самом деле, она ведь не знает подробностей его жизни. Может, это бабушка его двоюродная. Или даже родная.

– А вас кто интересуется? – на всякий случай спросила Белка.

– Немировский Леонид Семенович.

Ничего себе! Привет из мглы веков.

– Он давно умер, – не вдаваясь в подробности, сказала Белка.

– Это понятно, – кивнула старушка. – Я думала, родственники его здесь живут, может. Хотела о нем расспросить.

– Я же тебе сразу сказал: бессмысленная затея, – услышала Белка.

Только теперь она заметила, что старушка пришла не одна. Ее сопровождающий, наверное, куда-то отлучался, а теперь вот вернулся; он и сказал про бессмысленную затею.

Белка окинула его быстрым оценивающим взглядом. В общем-то оценивать было нечего. Мужчина средних лет и средней же, усталой, обыкновенной внешности. В голосе тоже слышится усталость, а еще – неприязнь. Это Белку задело, хотя вообще-то она умела не обращать внимания на то, как относятся к ней посторонние люди.

– И ничего не бессмысленная ваша затея, – сказала она старушке. – Если подниметесь, я вам все про Немировского расскажу. Правда, я мало что про него знаю, – справедливости ради добавила она.

– А я так и поняла, что вы его родственница.

Старушка даже не удивилась. В ее спокойствии было что-то пугающее; так Белке на секунду показалось.

Была одна песня – она слышала ее случайно, не могла даже вспомнить где, и название, конечно, забыла, – и в песне этой были слова: «В дальнюю область, за облачный плес...» Вот и старушка эта была из дальней области. Не в географическом смысле, а в другом, не вполне определимом.

– Как же вы это поняли? – спросила Белка.

Она сама слышала в своем голосе растерянность, которую никак не могла бы объяснить.

- Вы на него очень похожи, – ответила старушка.
- Ну я его внучка, да, – кивнула Белка. – Пойдемте, пойдемте.
- Зайдем, Костя, – сказала старушка. – Раз приглашают.
- Зайди одна. Мне ни к чему, – отказался ее спутник.

Он взглянул на Белку, ей показалось, вопросительно. Но глаза у него были темные, и невозможно было сказать точно, что означает его взгляд.

- И вы зайдите, – предложила ему Белка.

Она не понимала, почему эта старушка и ее ничем не примечательный спутник вызывают у нее такую растерянность.

– Мне ни к чему, – повторил он. И, обращаясь к старушке, добавил: – Позвони, когда освободишься.

- А ты что же станешь делать? – спросила старушка.

Похоже, она не привыкла ему возражать. Он, кстати, наверняка являлся ее родственником – сыном или внуком. Неизвестно, так ли уж похожа была Белка на своего покойного деда, но он на эту старушку чем-то похож был безусловно. Только вот непонятно, чем.

– Найду занятие, – ответил он ей. И спросил Белку: – Вы ее обратно сюда, к калитке, сможете проводить?

- Да, – кивнула она.
- Позвони, когда освободишься, – сказал он старушке.

И ушел. Белка зачем-то смотрела ему в спину, пока он не скрылся за углом. Хотя не было никаких признаков того, что он как-нибудь неловко или опасливо чувствует себя в Москве и поэтому надо следить за тем, как он переходит улицу.

– Пойдемте, – тряхнув головой, словно отгоняя наваждение, повторила она старушке. – Меня зовут Белла.

- Как Леонида Семеновича жену покойную.

Заявление было странное. Белка точно знала, что ее бабушку звали не Белла, а Таисия, но выяснять, в чем тут дело, не стала.

- А я Зинаида Тихоновна, – сказала старушка.

Надо же, какая экзотика! Белка еле сдержала улыбку, пропуская ее перед собой в огороженный двор.

Глава 9

Время от времени Белка вспоминала, что надо бы завести в квартире третью чашку. Но, едва вспомнив, тотчас же об этом забывала. Когда они с Кириллом встречались в Доме со львами, им было не до готовки, если хотелось чаю или кофе, то двух чашек вполне хватало, а если набрасывался голод, что после бурного секса случалось нередко, то к их услугам была любая точка разнообразного московского общепита, и изучать их поочередно – это было отдельное удовольствие, в котором они себе не отказывали.

Так что сейчас выдался первый случай, когда третья чашка была действительно необходима. Впрочем, Белка недолго сокрушалась о ее отсутствии, просто разлила чай в три бокала для красного вина, решив, что старушка удивится такому московскому изыску.

Но когда она внесла бокалы с чаем в комнату, гостя никакого удивления не выказала. Первый Белкин взгляд оказался, как всегда, верным: серьезность была в этой Зинаиде Тихоновне главенствующей чертой, и поэтому она, видимо, не обращала внимания на мелочи.

Еще одной ее чертой – пожалуй, странной и уж точно необычной – были выкрашенные в темно-каштановый цвет волосы. Это сразу бросилось в глаза, когда она сняла платок. Белке казалось, что провинциальные тетушки к такому преклонному возрасту уже не беспокоятся о своей внешности и не закрашивают седину, а эта – надо же...

Когда Белка привела ее в квартиру, Кирилл смотрел телевизор, а услышав, как открывается дверь, вышел в прихожую. Наверное, он удивился, что его подруга явилась не одна, но удивление никак не выразилось внешне.

Это было одно из тех качеств, которые Белке нравились в нем. Она вообще считала, что показывать все происходящее у них внутри позволяют себе только дети и сумасшедшие, причем сумасшедшие не в образном, а в обыкновенном, клиническом смысле, с диагнозом, нормальный же взрослый человек этого делать не станет. Почему при такой убежденности ее считают эмоциональной особой, было для нее загадкой, сама-то она себя считала человеком жестким.

В общем, удивления Кирилл при появлении Зинаиды Тихоновны не выказал и даже, пока Белка заваривала чай, как заправский хозяин развлекал гостью светской беседой.

– Зинаида Тихоновна говорит, что у них в Кирове замечательные молочные продукты, – сообщил он вошедшей с чаем Белке. – Дешевые и качественные.

– Киров – это где? – спросила Белка.

– В вятских лесах, – ответил Кирилл. – Вообще-то этот город называется Вятка.

– А почему тогда он Киров? – не поняла Белка.

– Да вот не вернули историческое название сразу, как только советская власть обвалилась, а потом замяли для ясности. Так и живут в Кирове.

– Мы привыкли, – сказала Зинаида Тихоновна.

Ну, раз ей все равно, то уж Белке тем более нет дела до того, как называется неизвестный ей город где-то в лесах.

Она села за стол и спросила:

– Ну, что вас интересует про моего деда?

– Все про него интересует, – ответила Зинаида Тихоновна. – Золотой он был человек. Как у него жизнь сложилась?

– Да вроде ничего, – пожала плечами Белка. – Хотя, честно вам скажу, я про него мало знаю. Ну, жена у него была, бабушка моя, звали Таисия. Дочь Полина, моя мама то есть. Внучка я. Работал в Скилфе. Вот, собственно, и все. – Ей стало неловко за такую лаконичность, и она добавила в свое оправдание: – Я еще не родилась, когда он умер.

– Полина... – Зинаида Тихоновна покачала головой. – Надо же!

Белка хотела спросить, почему ее заинтересовала именно Полина и что особенного она находит в этом имени. Но не стала спрашивать. Захочет – сама объяснит, не захочет – так обойдемся.

– А вы с ним давно были знакомы? – спросила Белка.

Все-таки старушкино немногословие начало ее раздражать. Сдержанность – качество правильное, но если уж отнимаешь время у незнакомых людей, то зачем говорить загадками?

– Мы на фронте познакомились, – ответила Зинаида Тихоновна. – В медсанбате. Это много значит.

– Ну да... – промямлила Белка. – Конечно.

«Только фронтовых мемуаров нам сейчас не хватает. Особенно Кириллу», – подумала она при этом.

Они не виделись целую неделю, тратить драгоценное время на старушку было просто глупо. И так хватает условностей, от которых никуда не денешься, одна мадам Елена чего стоит.

Но на пятой минуте сказать гостю, что пора и честь знать, Белке было все-таки неловко.

– Он вас лечил в медсанбате? – спросил Кирилл.

В его голосе ясно слышался интерес, и такой же интерес Белка заметила в его глазах.

– Нет. – По лицу Зинаиды Тихоновны впервые мелькнула улыбка. – Он командовал медсанбатом, а меня туда сестрой направили. Я на фронт добровольцем пошла сразу после медучилища. Мне восемнадцать только-только исполнилось, сами понимаете, как мне на войне пришлось, среди мужчин. Леонид Семенович меня, можно сказать, от всего этого прикрыл и спас. – Видимо, она заметила интерес к своему рассказу, и речь ее стала свободнее: – Ну а потом его санитарным поездом назначили командовать, и он меня к себе перевел.

– А потом? – спросил Кирилл.

– Потом война кончилась, и он к нам в Киров приехал. Стали мы снова вместе работать, в одной больнице – он хирургом, я у него операционной сестрой. В сорок девятом году он в Москву уехал. Вот мне и хотелось узнать, как у него здесь жизнь сложилась.

Все-таки это было странно. Если бы Белке хотелось что-то про кого-то узнать, она точно не стала бы ждать шестьдесят лет. Но, видимо, в вятских лесах другой ритм жизни.

– Первое время он нам писал, я потому и адрес этот знаю. А после перестал. Был он счастлив? – спросила старушка.

Она спросила это даже не у Белки – поняла уже, конечно, что та ничего про своего деда не знает. Да и не спросила даже, а так, вздохнула просто.

От этого вздоха Белке почему-то стало не по себе. Она бросила быстрый взгляд на Кирилла. Он смотрел на старушку с тем самым чувством, которое и Белка хотела бы к ней испытывать – с необременительным сопереживанием. Но у нее получалось испытывать только обременительную неловкость, и, злясь на себя за это глупое чувство, она ответила:

– Насчет счастья не знаю, а работу, мама говорила, он любил.

– Да, у нас все понимали, что с его врачебным уровнем в простой больнице не место, – кивнула Зинаида Тихоновна. – Он, правда, считал, что это глупости, людей везде одинаково лечить надо, но все-таки Институт Склифософского для него поболее подходил, чем наша глушь. Я рада, что про его работу узнала.

Она достала из сумочки – черного ридикюля, имевшего совершенно винтажный вид, – телефон из разряда «аппарат для бабушки», нажала большую кнопку и сказала:

– Костя, я уже спускаюсь, ты подходи за мной, ладно?

Неловкость, которую чувствовала Белка, стала еще сильнее. Хотя – ну что она такого сделала? Что знала, все выложила, а что ничего толком не знала, так на нет и суда нет.

– Я вас провожу, – сказала она.

– Спасибо, – кивнула старушка.

В прихожей Белка шепнула Кириллу, подающему Зинаиде Тихоновне плащ:

– Я быстро.

– Не спеши, все в порядке.

Он ободряюще коснулся ее плеча, и ей сразу стало как-то легче. Во всяком случае, неловкость ее необъяснимая сделалась поменьше, может, потому что Кирилл ничего неловкого в происходящем не видел.

Старушкин спутник уже ожидал у калитки.

– Это мой сын Константин, – сказала Зинаида Тихоновна. – А это Белла, Немировского Леонида Семеновича внучка, – представила она Белку. И зачем-то пояснила ей: – Костя про вашего деда очень любил в детстве слушать. Особенно про то, как наша часть к Михайловскому в сорок четвертом году подошла. К самому Лукоморью, к дубу зеленому... Я ему на ночь вместо сказки рассказывала.

Белка вдруг почувствовала острую жалость от того, что ничего про все это не знает.

«И не узнаю уже теперь никогда», – подумала она.

Эта простая мысль поразила ее.

– А вы приезжайте к нам, – сказала Зинаида Тихоновна. – Я вам все и расскажу. Правда, приезжайте, Белла.

Ее пронзительность была достойна удивления: Белка отлично знала, что не относится к людям, у которых все мысли написаны на лбу. К совсем противоположным людям она всегда себя относил.

– Спасибо, – сказала она. – Может, когда-нибудь выберусь.

При этих словах она краем глаза заметила, что Константин усмехнулся.

«Ну да, никогда не выберусь, – сердито подумала Белка. – А чему тут усмехаться? С какого это перепугу меня в ваши леса могло бы занести?»

– Я вам адрес оставляю.

Зинаида Тихоновна расстегнула ридикюль, достала ручку и блокнот на пружинке. Она явно не принадлежала к людям, которые что-либо предлагают лишь из вежливости.

Белка и сын Константин смотрели, как она записывает адрес округлым почерком престарелой отличницы. Белка чувствовала при этом нетерпение и досаду. Сын, судя по выражению его лица, тоже. Хотя причины для схожих чувств у них наверняка были разные – у него это, скорее всего, была неловкость за мамину наивность.

– Вот, – сказала Зинаида Тихоновна, подавая Белке вырванный из блокнота листок. – До свидания, Белла. Вы меня очень порадовали.

– Чем? – удивилась Белка.

– Тем, что вы есть. – По ее серьезному лицу мелькнула улыбка. – Люди должны оставлять след на земле, я думаю. Леонид Семенович и так-то добрый след оставил, а что еще и внучка есть, это очень хорошо.

Белка не знала, что на это ответить. Константин молчал тоже. Впрочем, он и вообще ни слова не произнес и только в этом смысле был похож на свою неговорливую матушку. Внешне он совсем на нее похож не был – никакой простонародности, холодные, резкие черты.

Белка направилась к подъезду сразу же, не стала провожать их взглядом. Зачем? Хотя в этой Зинаиде Тихоновне ничего неприятного не было, но чувство, которое она вызвала у Белки, несомненно было неприятным. Досада, неловкость, сожаление необъяснимое... Да еще и от любовника отвлеклась из-за нее. Забыть, поскорее и навсегда забыть!

Забыть оказалось нетрудно – едва Белка вошла в квартиру, как попала в объятия Кирилла; он нарочно подкарауливал ее в прихожей у входной двери.

– Не сердись! – воскликнула она.

– За что же сердиться?

Голос его звучал весело. Понятно было, что никакой обиды он не затаил и если скрывает сейчас какие-нибудь мысли, то лишь из области секса.

– Что я ее сюда привела, – все-таки объяснила Белка. – Могли бы у подъезда поговорить.

– Привела, и ладно, – беспечно заметил он. – Это не заслуживает долгих размышлений. К тому же она довольно интересная старушка, про войну, опять же, рассказала. Даже жалко, что мало.

– Это да, – согласилась Белка. – И про Лукоморье... Оно что, в самом деле есть? Я думала, это сказка.

– Я тоже. Но это не имеет значения. У нас своя сказка, – напомнил Кирилл.

И принялся целовать Белку, а потом прижал ее к стене, и она тут же оплела его ногами, руками, и вся их любовь произошла прямо здесь же, в прихожей, и от этого была не менее приятной, чем в постели, а может, и поболее еще...

«Поболе!.. – весело подумала Белка, когда страстные судороги закончились и, часто дыша, Кирилл сел на пол у ее ног. – Словарный запас вятских лесов! Или Лукоморья... Может, оно и правда есть?»

Глава 10

– Вот оно, Лукоморье.

По-утреннему сырой сизый дым окутывал капитана так плотно, что его голос звучал, словно из облака. А может, не из-за дыма Зине так казалось, а потому что она смотрела на капитана как на бога. Спасителем он для нее был уж точно, поэтому каждое его слово она принимала на веру. Но Лукоморье?..

– Разве оно есть на самом деле? – спросила Зина.

Она вышла из землянки, умылась, привела себя в порядок и уже собиралась обойти песчаный холм, на котором стояла артиллерийская батарея – за этим холмом в сосновом лесочке расположился медсанбат, – когда увидела капитана. Он стоял над обрывом, курил и смотрел за реку на едва видимый в тусклых рассветных лучах усадебный дом Михайловского.

Михайловское!.. Само это слово вызывало у Зины благоговение. И она старалась не смотреть в его сторону: больно сознавать, что там происходит, еще больнее видеть разоренный парк, гаубицы у самого пушкинского дома, суетящихся немцев.

– Конечно, есть, – ответил капитан. – Вот оно, перед тобой. Правда, излучина здесь речная, но видишь, как вода разлилась? На море похожа.

Зина кивнула. Хотя еще только начинается апрель и большой разлив впереди, но река Сороть уже раскинулась так широко, что в самом деле напоминает море.

– Вообще же Лукоморье – это такое особое место на краю света, – сказал капитан. – У Лукоморья стоит мировое дерево, в пушкинском варианте дуб зеленый, и по нему можно взобраться или спуститься в другие миры.

– Почему? – спросила Зина. И тут же поправилась: – То есть не почему, а как?

– Почему – тоже правильный вопрос. Потому что это дерево – ось мира. Вершина его в небе, а корни в преисподней. А как по нему перемещаться, я не знаю.

На этих словах капитан чуть заметно улыбнулся. Улыбался он редко, и от его улыбки у Зины каждый раз кружилась голова и сердце замирало.

– Вы все знаете, – убежденно сказала она.

А разве не так? Вот ведь и про мировое дерево это самое... Он же врач, значит, не по специальности изучал, и раз все-таки знает, то это означает, что знает он все на свете. Зина была рассудительна, и такой вывод был для нее очевиден.

– Выспалась ты? – спросил капитан.

Зинины слова про его всезнание он пропустил мимо ушей. Зина предполагала, что он относится к ней снисходительно, как к несмышленишу, но не обижалась. Во-первых, потому что она вообще не могла себе представить, как можно обижаться на такого человека, как капитан Немировский, а во-вторых, потому что этой своей снисходительности он в повседневной жизни никак не проявлял, а значит, и обижаться не на что.

Вчера ночью он лично отправил Зину отсыпаться, потому что за сутки до того пришла артиллерийская батарея, в которой было много раненых, и ровно эти сутки не спал весь личный состав медсанбата, а Зина и до того еще сутки не спала, потому что дежурила.

Артиллеристы шли к Пушкинским Горам через Новоржевские болота, которые нелегко дались даже Зине, привычной к ходьбе по лесному бездорожью. Замполит батареи рассказывал вчера капитану Немировскому, Зина слышала, что не шли они через эти болота, а плыли, утопая в черной жиже, что снаряды и мины пришлось перегрузить с машин на телеги, но и те увязали в грязи, кони падали и не могли подняться, и только люди двигались вперед со злой решимостью.

Дойдя наконец до Пушкинских Гор, артиллеристы принялись обустраиваться на северной окраине деревни Зимари, напротив Михайловского. Они стали готовить огневые позиции

и рыть окопы, а раненых передали в медсанбат. Из-за их наплыва капитан теперь и спрашивал Зину, выпалась ли она.

– Я выпалась, – ответила Зина.

Ей в самом деле хватило нескольких часов, чтобы отдохнуть после двух бессонных суток, даже удивительно.

– Врешь, наверное, – усомнился капитан.

– Я врать не приучена, – покачала головой Зина.

– Да, – согласился он. – Это я уже понял.

Конечно, понял. Он ведь знал Зину уже целый месяц, а что она за загадка, чтобы такой умный и проницательный человек за такое долгое время ее не изучил? Вся как на ладони.

Свой первый военный месяц Зина вспоминала с содроганием. Не думала она, что война окажется такой... несправедливой. Она готова была к трудностям, к лишениям, к ранениям, к боли и к смерти – ко всему, что ей выпадет. И фифой никогда не была, особых условий для себя не ожидала. Но отношения к себе как к человеку она ведь вправе была ожидать! А вместо него...

Зина Филиппева дожидаться не могла, когда наконец закончит медучилище. И хоть в связи с военным временем курс обучения был сокращен, но готовили все-таки не санитаров, а квалифицированных медсестер, и работать им придется в боевых условиях, значит, спешки в учебе быть не может, это Зина понимала. Но понимала лишь умом, сердце же ее рвалось на фронт так, как у ее ровесниц рвалось оно только к любимым.

Любимого у Зины не было, но это ее не удручало. Может, это даже и хорошо: так бы она стремилась быть необходимой ему одному, ну а раз единственного человека нет, то она может отдать все свои силы многим людям, которые воюют за родину.

Зина вовсе не была восторженной – такие свои мысли она считала самыми обыкновенными и жалела только, что восемнадцать ей исполнилось в сорок четвертом году, а не раньше. Теперь-то победа была уже совсем близко, Зина боялась не успеть на войну, а потому считала дни, отделявшие ее от окончания училища и, значит, от настоящей жизни.

Ее направили на 2-й Прибалтийский фронт, и догонять войну пришлось в Псковской области. От Кирова, где она жила и выучилась, путь был неблизкий, но этому Зина только радовалась: хорошо ведь, что большая часть страны уже освобождена от захватчиков. И всю нашу землю скоро вернем, и Европу освободим! – так она думала, глядя в окошко поезда, который вез новобранцев на запад.

В часть Зина попала как раз в тот день, когда медсанбат должен был уходить из Новоржева в район боевых действий. Как хорошо, что успела! Вот простоял бы поезд под Псковом еще полдня на запасных путях, и осталась бы она у разбитого корыта, и догоняй тогда свою часть как знаешь. Но ведь успела, вот радость-то!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.